

PG
3453
B2
1914a
t.5

(13)

This is an authorized facsimile of the original book, and
was produced in 1972 by microfilm-xerography by University
Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Бальмонт Константин Евгеньевич

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

т. 5

Томъ пятый ==

Литургия Красоты

н 34 . 2 .

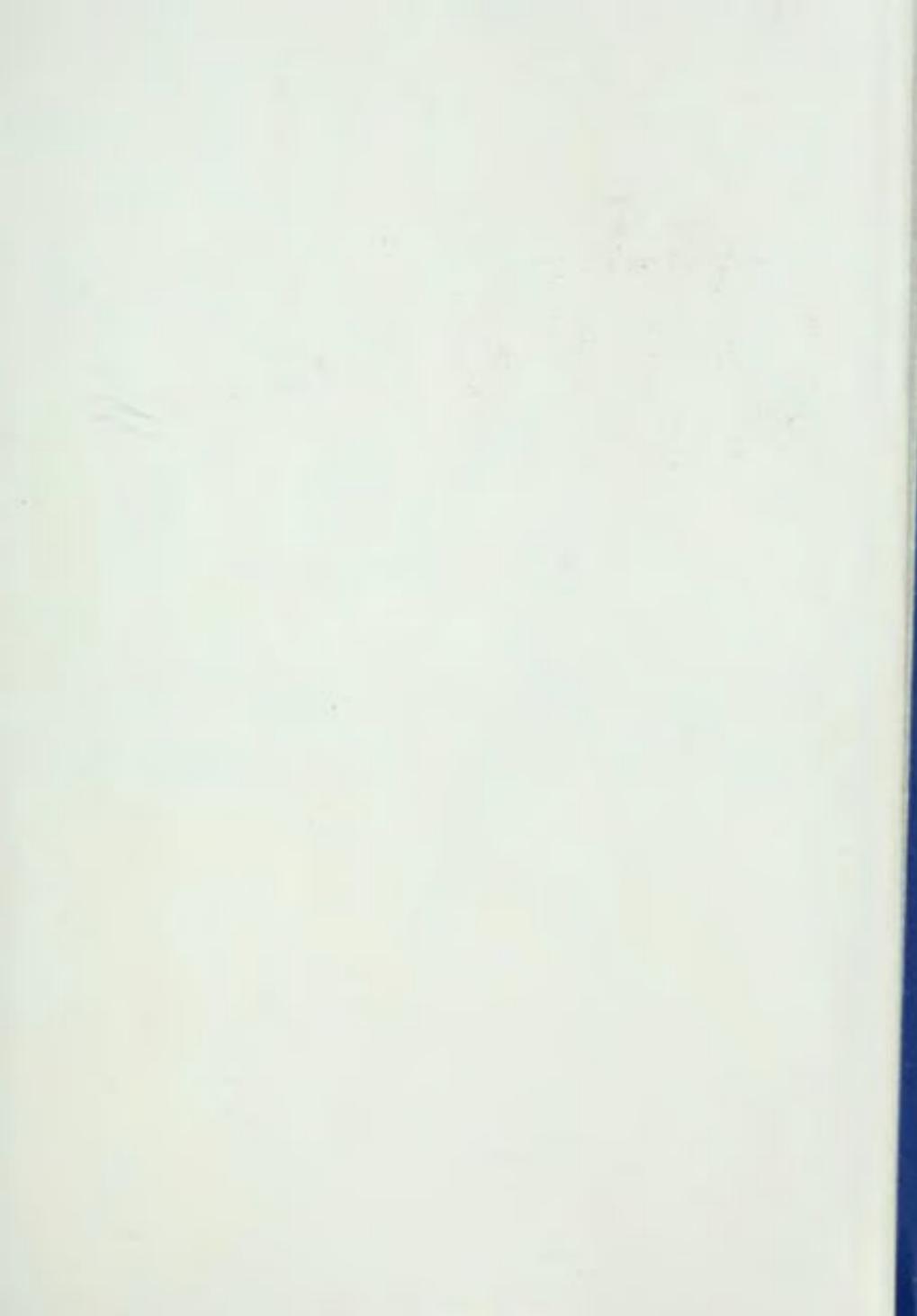
Издание ВТОРОЕ ==

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“ 1911 ==

PG
3453
B2
1914 a
t.5

X778691
of 384 3,4

К. Д. Бальмонтъ

Документ

1907

PG 3 A 53

.B²
1907

408422

31

МОСКВА.—1911.

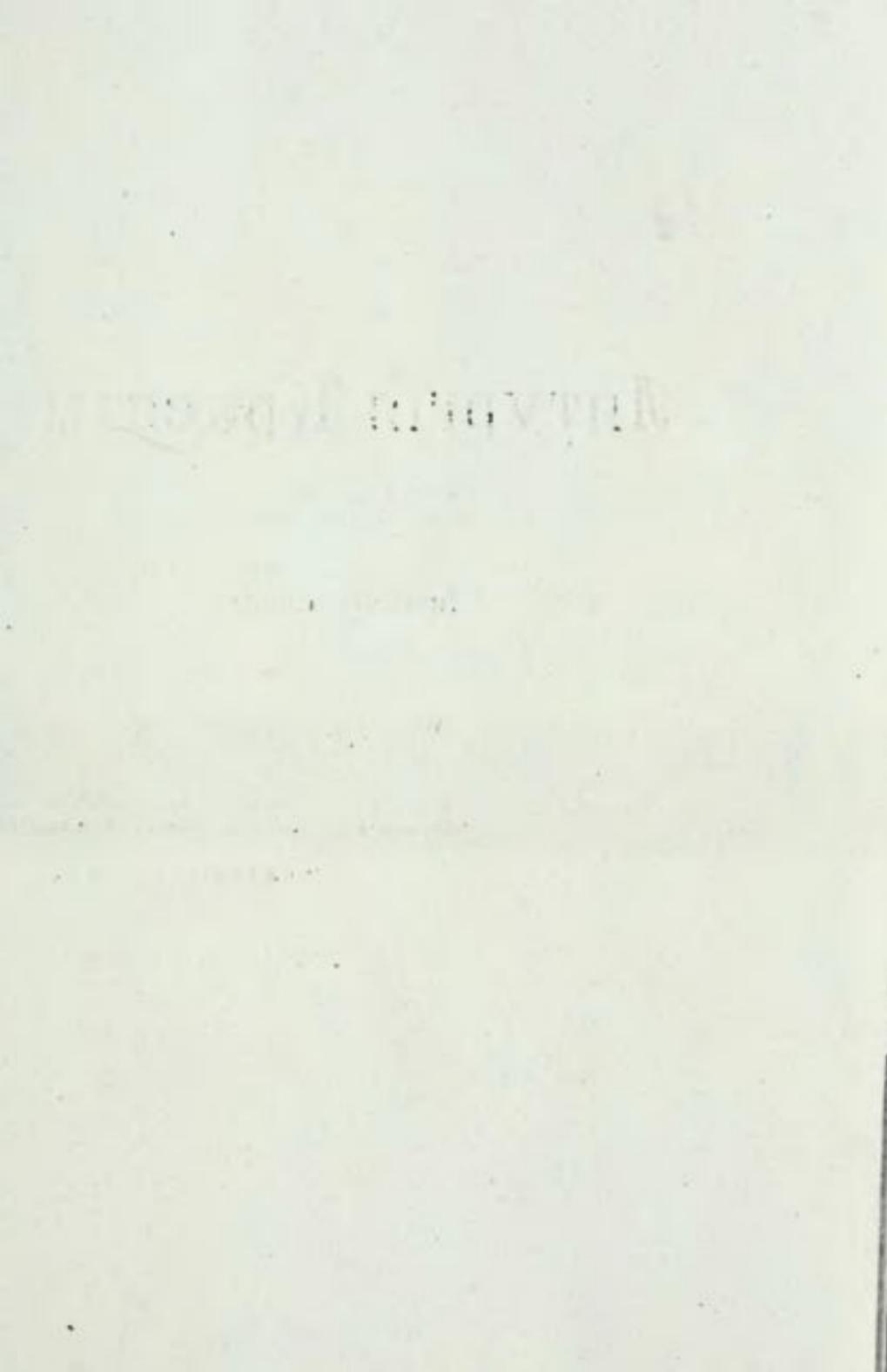
ТОВАРШИСТВО ТИПОГРАФИИ А. Н. МАМОНОВА.
Леонтьевский пер., д. № 2.

Литургія Красоты

Стихійные гимны

Вся Земля—моя, и миѣ дано пройти по ней

Аполлоній Тіанскій

Люди Солнце разлюбили, надо къ Солнцу ить вернуть,
Септь Луны они забыли, потеряли Млечный путь.

Разгневалась Царица Воду, отрекаясь отъ Огня,
Изменили всю Природу, замокъ Ночи, праздникъ Дня.

Въ шурьмахъ думъ своихъ, въ същлении аданий-скелестов, словъ-можевъ
Позабыли о теченьи Чисель, Влачности, Септиль.

Но качнулось королысло золотое въ Небесахъ,
Мысли Неба, Звезды-Числа, брызнувъ, стягнить здѣсь въ словахъ.

Здѣсь мои избрали строки, нали въ мой журчащий спина,
Чтобъ звенѣли въ немъ намеки всѣхъ колодцевъ мезеныхъ.

Чтобъ къ Стихіямъ, людямъ блѣдныахъ, показать я севятый путь,
Чтобы вновь стихомъ побѣдныихъ, въ Царство Солнца есть въ вернуть.

ПРАЗДНИКЪ СЕРДЦА

Cada mañana hallarás, alma mía, á la
puerta de tu casa ó todo el universo.
Diego de Estella

Каждое утро, душа, ты найдешь
у двери своего дома весь миръ.
Діэго де Эстелья

МОЙ ЗАВѢТЬ.

Я не устану быть живымъ,
Ручей поеть, я вѣчно съ нимъ,
Заря горитъ, она—во мнѣ,
Я въ вѣчно-творческомъ Огнѣ.

Затянуть въ свѣтъ чужихъ очей,
Я—въ иѣжномъ золотѣ лучей,
По вдругъ измѣнится игра,
И иѣжить лунность серебра.

А Ночь прадеть, а Ночь темна,—
Въ душѣ есть свѣтлая страна,
И вѣченъ свѣточъ золотой
Въ странѣ, зовущейся Мечтой.

Мечта рождастъ Красоту,
Изъ иѣжныхъ словъ я ткань плету,
Листокъ восходитъ въ лепестокъ,
Изъ легкихъ строкъ глядитъ цвѣтокъ.

Мгновеній свѣтлый водопадъ
Нисходить въ мой цвѣтущій садъ,
Живите же всѣ, любите сонъ,—
Прекрасень оинъ, кто въ йизнь влюблень.

ТРИ СТРАНЫ.

Строить зданья, быть въ гаремѣ, выходить на львовъ,
Превращать парей сосѣдихъ въ собственныххъ рабовъ,
Опьяниться повтореньемъ яркой буквой я,—
Вотъ, Ассирия, дорога истинно твоя.

Превратить народъ могучій въ восходящестъ плить,
Быть создателемъ загадокъ, сфинксомъ Пирамидъ,
И, достигши граней въ тайнахъ, обратиться въ пыль,—
О, Египетъ, эту сказку ты явилъ какъ былъ.

Миръ опутать светлой тканью мыслей-паутинъ,
Сиять душой жужжанье мошки съ грохотомъ давинъ,
Въ забиринтахъ быть какъ дома, все понять, принять,—
Сиять мой, Индія, святыня, дѣвственная мать.

Много есть еще созданій въ мірѣ Бытія,
Но прекрасна только слитность разныхъ ты и я,
Много есть еще мечтаній, сладко жить въ бреду,—
Но, уставши, лишь къ родимой, только къ ней приду.

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ.

Я знаю, что Брама умнѣе, чѣмъ всѣ безконечно-имланные
боги.
Но Брама—Индіецъ, а я—Славянинъ. Совпадаютъ ли наши
дороги?
О, Брама—Индіецъ, а я—Скандинавъ, а я—Мексиканецъ
жестокій,
Я—Эллинъ влюбленный, я—вольный Арабъ, я—жадный,
безумный, стоекій.

Я—жадный, и жить я хочу безъ конца, не могу я насытиться лаской.

Не разумъ люблю я, а сердце свое, я пѣпенъ многозвучно склзкой.

Всѣ краски люблю я, и свѣтъ Бѣлизны не есть для меня завершенье.

Люблю я и самые темные сны, и алый цветокъ преступленія.

Оранжевый, желтый, и красный огонь миѣ желаненъ, какъ взоръ темносиній.

Не знаю, чтобъ лучше: снѣга ли вершинъ или вихри надъ желтой пустыней.

И стебель зеленый съ душистымъ цветкомъ—прекрасенъ, прекрасна мипута.

Не странно ли было бъ цветку объявить, что онъ только средство къ чему-то.

И если ты викинга счастья лишишь—въ самомъ царствѣ Валгаллы рубиться,

Онъ скажеть, что Небо бѣдище Земли, изъ Валгаллы онъ прочь удаляетя.

И если пѣвцу изъ Славянской страны ты скажешь, что умъ есть мѣрило,

Со смѣхомъ онъ молвить, что сладко вино, и пѣсни во славу Ирила.

КЪ СЛАВЯНАМЪ.

Славяне, вамъ свѣтлая слава,
За то, что вы сердцемъ открыты,
Веселымъ младенчествомъ нравы
Съ природой весеннею слиты.

Къ любому легко подойдете,
Съ любымъ вы смѣетесь какъ съ братомъ,
И все, что чужого возьмете,
Вы топите въ морѣ богатомъ.

Враждя съ врагомъ поневолѣ,
Сейчасъ помириться готовы,
Но, если на бранномъ вы полѣ,
Вы тверды и молча суровы.

И снова мечтой расцвѣчалась,
Вы—гдѣ-то, забывши обѣ узкомъ,
И свѣтять созвѣздья, качаясь,
Въ сознаніи Польскомъ и Русскомъ.

Звени, разбиваются цѣпи,
Шумить, зеленѣя, дубрава,
Славянскія душа — какъ стени,
Славяне, вамъ свѣтлая слава!

КОЛИБРИ.

Тіуб! — Идомъ!

Мексиканское слово.

Колибри, птичка-мушка, безстрашная, хоть малая,
Которой властю Солнца нарядъ цвѣтистый данъ,
Рубиновая фея, лазурная, и алая,
Сманила смѣыхъ бросить родимый пхъ Ацтланъ.

Веселымъ пышнымъ утромъ, когда Весна багряная
Ростить цвѣты, какъ солнца, какъ луны, межъ вѣтвей,
Летунъ щебетиуда: „Тіуб, тіуб,” — румяная,
Какъ бы цвѣточно-пьяная, — „Тіуб,—идемъ, скорѣй!”

Въ тот мигъ жрецы молились, и пъяне жемчужное
Лазурно-алой фен услышали они,
Пошелъ народъ безстрашный, все дальше, въ царство Южное,
И красной лентой крови своя обвилъ онъ дни.

И Мексика возникла, видѣнья вдохновенное,
Страна цветовъ въ Солнца и плюсокъ и стиховъ,
Безжалостность и иѣжность, для грезы—сердце пѣнное,
Сынъ Бога—жертва Богу, земной—среди боговъ.

Дабы въ Чертогахъ Солнца избраникъ знать забвеніе,
Ему исторгнуть сердце агатовыи ножомъ:—
Разбей земныя лютни, забудь напѣвъ мгновенія,
Тамъ въ Небѣ—Дѣвы Солнца, Богъ Семицвѣтникъ въ немъ.

Богиня Бѣлой Жатвы, Богиня Звѣздотканистя,
Богъ Пламя, Богъ Зеркальность, Богиня Сердце Горъ...
Колибри, птичка-мушка, въ безжизненной туманности
Ты сердце научила знать красочный узоръ!

ЙОНИ-ЛИНГАМЪ.

Напряженно-могучій Лингамъ,
Воспріимчиво-влажная Йони,
Эта пѣсня лелѣяла—вамъ,
Жизнь и свѣтъ на иѣмомъ небосклонѣ.
Завлекательно-жадная Йони,
Безъистомно-горячій Лингамъ.

Вы—отрада звѣримъ и Богамъ,
Вы—запѣтия радость людская,
Вы дарите гирлянды вѣкамъ,
И рождаются созвѣздья, сверкая,
Жизнь—все та же, и цѣно—другая,
Нераздѣльна въ пей Йони-Лингамъ.

Вы подобны пьянящимъ цветкамъ,
 Вы ростете въ далекомъ Тибетѣ,
 Вы влечете къ чужимъ берегамъ,
 Это вы—Афродита въ расцвѣтѣ,
 Алонистъ въ упоптательномъ лѣтѣ,
 И Милитта, о, Йонн-Лингамъ.

Вы подобны бессмертнымъ цветкамъ,
 Вы светло зажигаете взоры,
 И Венера идетъ по волнамъ,
 Будить Панъ задремавшія горы,
 И въ зеленыхъ пещерахъ Эллоры
 Обнимаются Йонн-Лингамъ.

И Издра—добыча мечтамъ,
 И въ Истаръ загорѣлись порывы,
 Стокъ идетъ по холмамъ и лѣсамъ,
 И глаза такъ безумно-красивы
 У него, андрогиншаго Славы,
 Сочетавшаго Йонн-Лингамъ.

И НЕТЬ ПРЕДЪЛОВЪ.

Ты создалъ мыслю своей
 Боговъ, героеvъ, и людей,
 Зажегъ несчетности светиль,
 И ихъ звѣрями насынилъ.

Отъ края къ краю—зовь зарницъ,
 И волны въ высихъ крылья птицъ,
 И звонко пѣные вешнихъ струй,
 И сладко-влаженъ поцѣлуй.

А Смерть возникнетъ въ свой чередъ,—
Кто выйдетъ здѣсь, тотъ тамъ войдетъ,
У Жизни множество дверей,
И Жизнь стремится все быстрѣй.

Всѣ звѣри въ страсти горячи,
И Солнце жарко лѣтъ лучи,
И пѣть предъловъ для страстей
Боговъ, героевъ, и людей.

ПРИЗЫВЪ.

Братья, посмотрите ясно,
Скорбь о невѣдовомъ безплодна,
Дѣвушки, утро прекрасно,
Женщина, будь же свободна.

Что намъ скитаться по мыслямъ,
Что намъ блуждать по идеямъ?
Мы Красоту не почислимъ,
Жизнь разгадать не сумѣемъ.

Пусть. Намъ разсудокъ не нуженъ,—
Чувства горятъ необманны,
Ипти зыбкоцвѣтныхъ жемчужинъ
Безъ объясненій желания.

Эти воздушныя иллюзии,
Братья, смотрите, повсюду.
Дѣвушки, вы полюбите,
Радостно вѣриться чуду.

ВИНО МИНУТЬ.

„Охраняй врата всѣхъ чувствъ”—занѣть Готамы
 „Умертви себя — ты вошьешь въ царство Брамы“.
 Но раскрыль я вѣдь закрытыя врата,
 Миѣ желания болѣй, и съ болѣю—Красота.
 И въ раскрытости, въ разорванности чувства
 Дышутъ бури, свѣтять молніи Искусства,
 Смѣхъ и пляски, красный цвѣтъ и тамъ и тутъ,
 Страхъ развязки, звукъ рыданій, звопъ минутъ.

„Бойся жизни“—намъ грозитъ вино слово.
 Говорять мнѣ:—„Въ томъ велѣніе Христово“.
 О, неправда! Это голосъ не Христа,
 Иѣть, въ Христѣ была живая Красота.
 Онь любовь, Онь Вѣчность влнъ въ одно мгновеніе,
 Дасть намъ хлѣбъ, и дать вино, и дать забвеніе,
 Боль украсить, Смерть убить, призвавъ на судъ.
 Будемъ жить, и будемъ пить вино минутъ!

ВЕСНА.

Вотъ и бѣлыя березы,
 Развернувъ свои листы,
 Подъ дождемъ роняютъ слезы
 Освѣженной красоты.

Дождь идеть, а Солнце свѣтить,
 Травы иѣжныя блестять,
 Эту иѣжность ихъ замѣтить,
 И запомнить зоркій взглядъ.

Видя радость единства
Солнца, влаги, и стеблей,
Духъ твой будеть какъ растенье,
Взоръ засвѣтится сѣтлѣй.

И войдеть въ твои мечтаны
Свѣжесть пышной повизны.
Это—счастіе, счастье,
Праздникъ Солнца и Весны!

РАСТЕНИЕ.

Зародышъ, въ маломъ видѣ, есть полное растеніе,
Въ немъ корень, стебель, листья возможно различить,
Едва замѣтно сѣмѧ, но жажда наслажденія
Зеленую, изъ мрака, исторгнѣть къ свѣту нить.

Корень внизъ ростетъ, а стебель кверху убѣгаеть.
Но различность устремленія развѣ расторгаетъ?
Если бъ не было дѣланья этихъ двухъ стремленій,
Мы не знали бы цветенія красочныхъ растеній.

Главный корень—вѣчно внизъ,
А другіе—всюду,
Вправо, влево расположились,
Выше, ниже, но впились
Въ почвеннюю груду.—
Въ эту толщу, гдѣ они
Слышать ночь, и слышать дни,
И донынѣ искони
Все стремятся къ Чуду.
Проростаютъ каждый часъ,

И совсѣмъ не тяготясь
 Тьмою и неволей,
 Кормяты верхніе листки, —
 И доколыны долей
 Корневые волоски,
 Чрезъ которые ростки
 Пьютъ растворы солей,
 Капли влаги жадно пьютъ,
 И для зрѣнья создаютъ
 Пышный цвѣтъ магнолій.

Но корни есть также пыны,
 Воздушные корни бывають, но только земные,
 И корни есть также, что тянутся смѣло въ водѣ.
 Въ Преродѣ царитъ разновидность вездѣ.
 Различны узоры рѣзные
 Листовъ и травинокъ, что дышутъ, ища.
 Воздушные корни плюща
 Вились въ камни стѣнныес,
 А корни ишеницы, вѣтвистой семьей,
 Блаженствуютъ мирно въ землѣ полевой,
 И вольно растенъи другія
 Илолятся, качалсь во влагѣ живой.

Но такъ иль иначе, а стебель прямой,
 Иль стебель изогнутый, листья лягбеть,
 И тайная греза растенъя, весной,
 Иль пламеннымы лѣтомъ,
 Альбеть,
 Вѣнчаясь невѣстой со свѣтомъ,
 Обрупалсь съ воздушною теплой волной,
 Золотится щѣтокъ, голубѣть,
 Многоцвѣтностью мѣбеть,
 Ощущенъя свои разстилаетъ цвѣтной пеленой, —
 Въ каждомъ мѣстѣ иною освѣженно-пыны,
 О, цвѣты, о, соцвѣты земныхъ!

Да, есть созвездья, — есть соцветія,
 Есть развилии стоблій.
 Прекрасенъ праздникъ однолѣтіи,
 Когда роскошныя соцветія
 Роятся въ пишности своей.
 На стержнѣ колосья получается,
 На немъ сплющіе цветочки.
 Цветочки нѣжные качаются,
 Дыханье въ воздухѣ встрѣчаются,—
 Просторы свѣта широки.
 У злаковъ, полныхъ мудрой сложности,
 Взамѣнь цветочковъ — колоски,
 Восторгъ исчерпавшей возможности;
 У незабудки — знакъ неложности —
 Въ односторонность заситки.
 Ростутъ различности безгласныя;
 Какъ фей нѣмые корабли,
 Подъ вѣтромъ зыбаются, согласныя,
 Съ волнами къ волнѣ блестятъ, прекрасныя,
 Воть тутъ, воинъ тамъ, вблизи, вдали.
 О, свѣтомъ, воздухомъ вспомниши,
 И всѣмъ, что въ почвѣ взять могли,
 Живыя мысли, въ жизнь влюбленныя,
 Соцветія, дружествомъ скрученныя.
 Созвездья зиждущей Земли!

ТЕМНОМУ БРАТУ.

Не вѣрь, мой темный братъ,
 Вищениямъ вражды.
 Созвѣздія горятъ,
 Взгляни, о, сынъ Звѣзды.

Мы — дѣти яркихъ звѣздъ,
Мы въ нихъ вовлечены.
Намъ къ нимъ сплетаютъ мостъ
Узычные сны.

Не помни, позабудь
О томъ, что сдѣлалъ злой,
Ты самъ чужую груль
Не разъ пронзилъ стрѣлой.

Лиши помни мой намекъ,
Завѣтъ цветовъ: Гори.
Смотри, любой цветокъ
Раскрылся — изнутри.

Когда ты починишь зло,
Ты дѣлаешься зломъ,
И ты глядишь свѣтло,
Ледяя свѣтъ умомъ.

Ты создалъ самъ свой ликъ,
Все можно измѣнить.
Вотъ, въ этотъ самый мигъ
Идетъ изъ свѣта путь.

Возьми ее скорѣй,
Сплести себѣ покровъ
Изъ ласковыхъ лучей
И самыхъ иѣжныхъ словъ.

И встрѣтимъ праздникъ звѣздъ,
Онъ каждый мигъ насъ ждетъ.
Отъ звѣздъ лучистый мостъ
До сердца къ намъ идетъ.

БЫТЬ УТРОМЪ.

Тотъ, кто хочетъ, чтобы тѣни, ускользая, пропадали,
 Кто не хочетъ повтореній, и безцѣльностей печали,
 Долженъ властною рукою безполезность бросить прочь,
 Долженъ сбросить то, что давить, долженъ самъ себѣ
 помочь.

Миръ — бездонность, ты — бездонность, въ этомъ свойствѣ
 вы едины,
 Только глянь орлинымъ окомъ,—ты достигнешь до вершины.
 Миръ есть пропасть, ты есть пропасть, въ этомъ свойствѣ
 вы сошлись,
 Только вздумай подчиниться,—упадешь глубоко внизъ.

О, глубоко видѣть око! О, высоко ходять тучи!
 Выше тучъ и глубже взоровъ свѣтъ сознанія могучій.
 Лишь пойми, скажи—и будетъ. Захоти сейчасъ, сейчасъ,—
 Будешь свѣтлымъ, будешь сильнымъ, будешь утромъ, въ
 первый разъ!

СОЛНЦЕ—КРАСНОЕ.

Солнце—красное, сказалъ миѣ мой родной народъ,
 И о вольномъ красномъ Солнцѣ сердце миѣ поеть.

Такъ до боли, въ жаждѣ боли, все стучитъ, звучитъ,
 Звукъ бісны—пѣснопѣнье, чувство не молчитъ.

Сердце, слышу. Мы сложили много звонкихъ строкъ,
 Югъ и Сѣверъ мы воспѣли, Западъ и Востокъ.

Мы съ тобой взростили, сердце, красные цвѣты,
 Я мечталъ—и страстью краской въ грезахъ билось ты.

Ни себя ты не жалѣло, ни другихъ порой,
По подъ Солнцемъ ты алѣло, самъ я былъ по свой.

Мы съ тобой не сомнѣвались—о, ни въ комъ, ни въ чомъ,
Мы пылились, опылились—солнечнымъ лучомъ.

Мы взрастили много смѣлыхъ яркихъ лепестковъ,
Мы учили жгучей силѣ, власти гордыхъ сновъ.

Сердце—вольно, Солнце—красно, міръ согласенъ весь,
Тамъ, далеко, свѣтъ зажжется, разъ ты свѣтъль захъсъ.

Юность, юность, будь же юной, всяхин, пожелай,
Каждый мигъ—начало, воля, вѣчный скрытый Май.

Не напрасно же раскрылъ я въ пѣны звонкихъ строки
Тайну сердца — алость крови — солнечный цветокъ.

ВЪТЕРЪ.

Я вольный птиця, я право вью.

K. Бальмонт.

Съ видомъ, приспособл. пальцевымъ

Въеть, мечется, гудить.

Ю. Батрумайтисъ.

Вдругъ притихнѣть, и забытсѧ вкругъ единаго листка,
Надъ осиной вѣстя, вѣстя, дышѣть струйка вѣтерка,
Чуть трепещѣть, луно блещетъ зачарованный листокъ,
И воздушенъ, и послушенъ, заколдованъ, вѣтерокъ.

Только слушаетъ, какъ дышетъ шаткій листъ среди осинъ,
Между самыхъ, самыхъ чуткихъ, на одной, всего одинъ,
Листъ сорвался, покачнулся, и умчался далеко,
Вѣтерокъ имъ насладился, бросилъ дальше, какъ легко.

Вѣтъ, млѣтъ, цѣпенѣтъ, страннымъ порохомъ въ соснѣ,
Зашуршитъ на сучьяхъ старыхъ, страшно травамъ въ таи-
номъ сиѣ.

Надъ єдыми пустырями зашепталъ онъ какъ колдунъ,
Вотъ затресси, и понесся, хохотъ, стонъ, звонъ струнъ.

Вспышки свѣтовъ. Двухъ поэтовъ, блѣдныхъ скальдовъ онъ
нашелъ,

Очертанья всѣхъ предметовъ измѣнилъ, и обошелъ.

Шопотъ Вѣтра гордынъ вѣдомъ, вѣщій Вѣтеръ близокъ имъ,
За зловѣщими, тайными слѣдомъ, мы идемъ, и мы слѣдимъ.

То мы вмѣстѣ, то мы порознь, затапняемся межъ кустовъ,
Братъ — соперникъ, врагъ — помощникъ, два волхва созвуч-
ныхъ сновъ.

Вѣтеръ съ нами, онъ землею, небесами насть ведеть,
Къ одному, смѣясь, прискакнетъ, свистнетъ, крикнетъ — и
впередъ.

Не всегда жь мнѣ быть съ тобою, если властенъ и другой,
Звонки хвон въ лѣтиемъ зноѣ — звонко-влаженъ валь морской.
Въ смерти, въ жизни — я въ отчизнѣ, дальше, дальше, мигъ
не ждетъ,

Тотъ же дважды я не буду: больше, меньше, — но впередъ.

ТАЛИСМАНЬ.

Знать, хотѣть, смыть, и молчать.
El Kab.

Знать, хотѣть, молчать, и смыть—запѣщалъ Арабъ.
Знай, молчи, желай, и смый, если ты не слабъ.

Если жь слабъ, я говорю вовсе не съ тобою,
Уходи, не прерывай сонъ мой голубой.

Сонъ мой алый, золотой, сонъ мой всѣхъ тоновъ,
Чьей уладой каждый мигъ такъ цвѣтисто-новъ.

Вижу утро, вижу садъ, каждый лепестокъ,
Розы губъ, воздушный цвѣтъ бѣлыхъ рукъ и ногъ.

Розы губъ, и губы розъ, иѣжныя какъ стихъ,
Опьяняющій намекъ раковинъ вѣмыхъ.

Звонъ струны, сплетеняя струнъ, звонкій водоемъ,
Тѣло къ тѣлу, взоръ во взоръ, сладко быть вдвоемъ.

Разъ ты властенъ, чтобъ другой дрогнулъ, поблѣдївъ,
Знай, что вложенъ въ разумъ твой вкрадчивый панѣвъ.

Разъ хотѣть умѣшь ты, научясь молчать,
Взоръ безгласный—для души—прочая печать.

Разъ цвѣтокъ къ тебѣ глядитъ, ласки ждетъ твоей,
Паклонись къ нему иѣжнѣй, смытыи быть умѣй.

Но, любя, не торопи розовой зары,
Дай раскрыться лепесткамъ, медленно горы.

Изъ познавшихъ новый день мудрый будеть тотъ,
Кто увидать—мрака въ свѣтъ полныи переходъ.

Вѣничкъ иѣжинъ обожай, о, счастливецъ ты,
Видашъ, дышуть предъ тобой яркіе цвѣты.

Седа пышиаго теперь сталъ ты властелинъ,
Гдѣ пыляють гроздья розъ, мускусъ, и жасминъ.

Знать, хотѣть, молчать, и смѣть—радостный завѣтъ,
Этотъ свѣтлый талисманъ далъ намъ Магометъ.

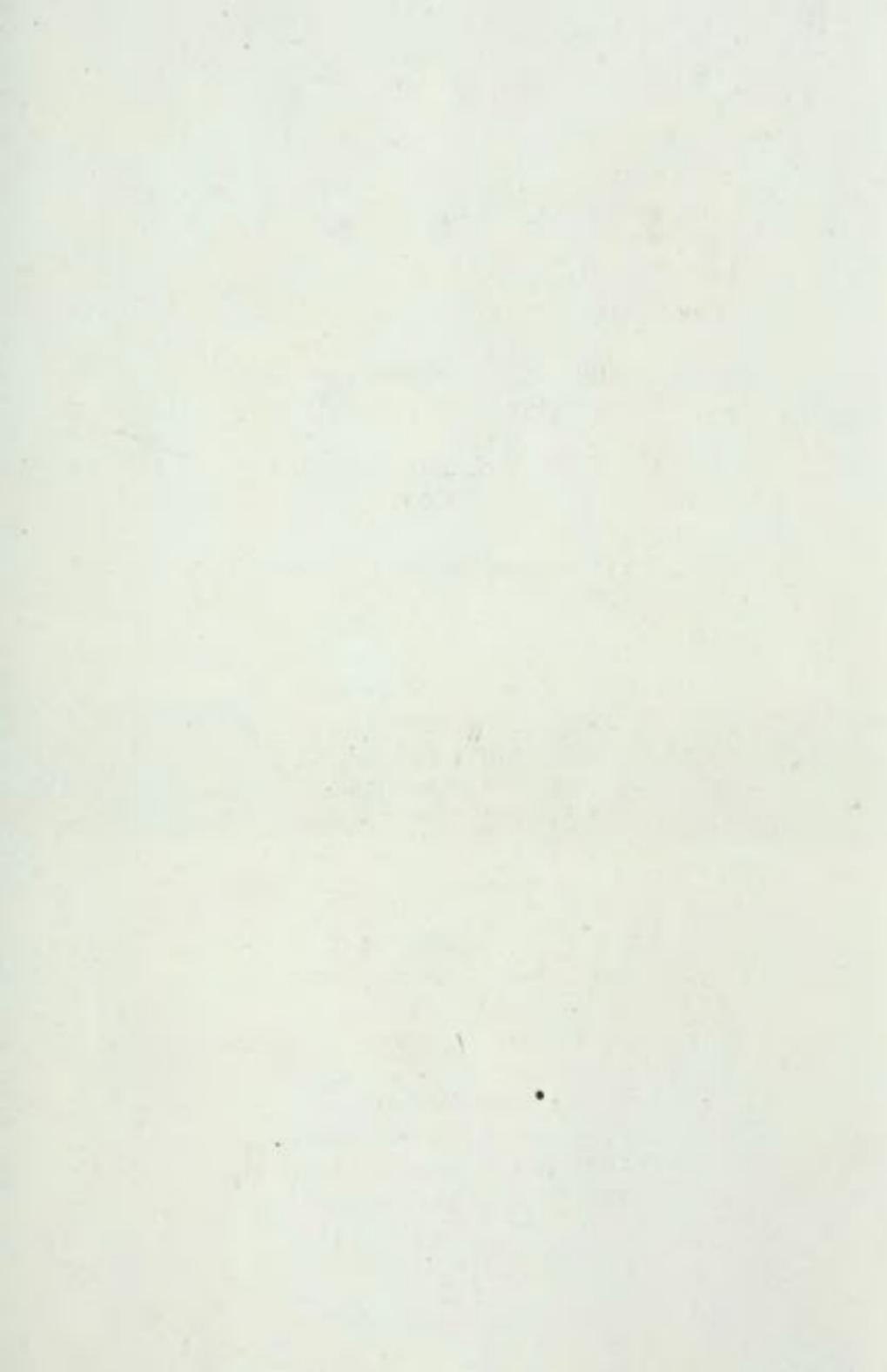
Помни, самъ Пророкъ сказалъ, бросивъ лучъ въ мечты:
„Въ этомъ мірѣ я люблю—женщинъ и цвѣты”.

ЖИВИ.

„Живи одинъ”, мнѣ Мыслъ сказала,
Звѣзда Небесъ всегда одна,
Забудь восторгъ, начни сначала,
Дорога скорби—суждена”.

„О, иѣть”, шепнуло ей Мечтанье,
Звѣзда—одна, одинъ—цвѣтокъ,
Но ихъ дыханья въ сіянія
Проходятъ множествомъ дорогъ”.

И вѣчноб-юное Стрѣмленіе
Прервало ихъ неравный споръ.
Взять лютню я,—и волны пѣнья,
Звуки, наполнили просторъ.

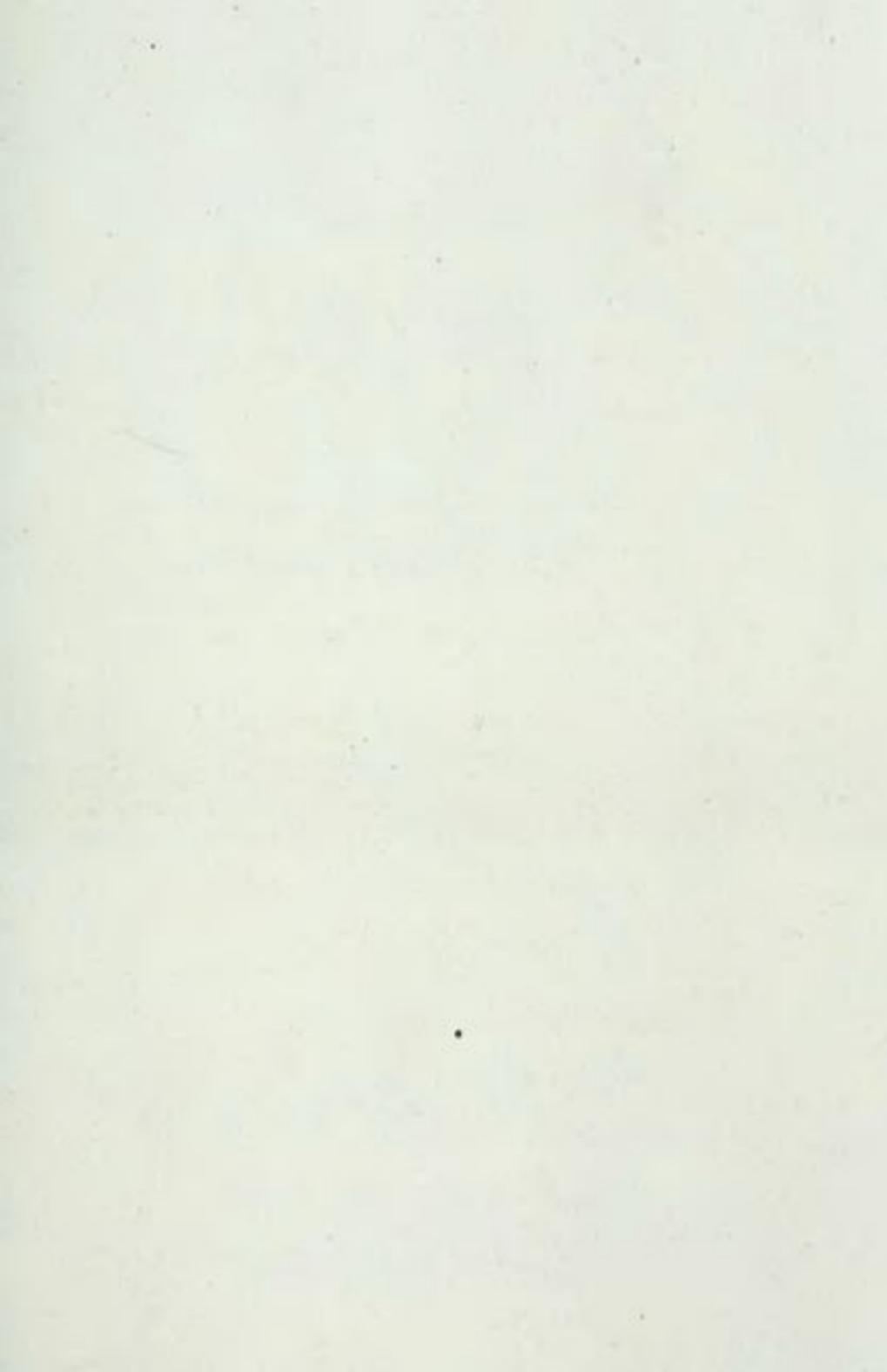

КРУЖЕВНЫЕ УЗОРЫ.

*Ipsa jussit mane totae virgines
nubant rosae.*

Pervigilium Veneris.

Воля Венеры — чтобы утромъ
вѣчались всѣ дѣвушки съ розами.
Латинскій стихъ.

ЮНАЯ ДѢВУШКА.

Милая юная дѣвушка, съ глазами какъ сказка прекрасными,
Какъ сказка, которую въ дѣтствѣ читалъ,
Съ глазами, гдѣ небо воздушное зарницами свѣтить не-
ясными,
Ты видишь, ты знаешь: мы близки, тебя я мечтаю
ждаль.

И строки съ напѣвиностью зыбкой, мои слова торопливыя,
Прерывисты, дѣвушка милая, оттого, что, дрожа и звеня,
Они навстрѣчу спѣшать къ тебѣ, и шепчутъ, счастливо-
стныя:
„О, сказка, я вижу, я слышу! Ты видишь, ты слышишь
меня?“

ВЛЮБЛЕННОСТЬ.

Она была въ кого-то влюблена.
Дышалъ Апрѣль. И зелень молодая
Была свѣтло-дѣвически-иѣжна.

Узорность облачковъ, воздухино тая,
Въ лазури утопала, какъ мечты,
Сирень пьянила воздухъ, расцвѣтая.

И дѣвушка, въ расцвѣтѣ красоты,
На утрѣ дней, смотря прозрачнымъ взоромъ,
Преображала всѣ свои черты.

Душа свѣтилась свадебнымъ уборомъ,
И иѣжная все дѣлалаась иѣжнѣй,
Влюблennость облекала легкимъ флеромъ.

О, девушка, ты въ свѣтлой зыби длей,
Средь водъ, гдѣ волны только закипаютъ,
Баюкаютъ мельканіемъ огней.

И пусть мечты съ другимъ тебя сливаются,
Пусть я тебѣ далекій и чужой,
Мои слова твой сонъ не прерываютъ.

Къ твоей душѣ я льну своей душой,
Съ тобой я слить, какъ лучъ съ лучомъ, согласный,
Какъ свѣтъ въ волнѣ, я нѣжно, вольно твой.

.Люблю тебя, люблю, мой сонъ прекрасный!

ГРЕЗА.

Миѣ грустно, Поэть. Ты пойми: не весталка я,
И нѣть, не русалка я, лунно-холодная.
Я только любовница, блѣдная, жалкая,
Я—греза Поэта, я—въ мірѣ безродная.

Меня ты поманишь, капризный, по вкрадчивый,
И тотчасъ къ тебѣ изъ-за Моря спѣшу,
Стараюсь быть кроткой, послушной, угадчивой,
Тобою однимъ и свѣчусь, и дышу.

Глазами въ глаза проникаю бедолинные,
Любви ты захочешь,—цѣлую тебя,
Какъ жемчугъ, сiletаютъ созвучья влюблennия,
Устанешь,—страдаю, и таю, любя.

Захочешь,—съ тобой я, захочешь,—далеко я,
Все, все, что ты хочешь, тебѣ отдаю,
Но только съ тобой—я всегда одинокая,
И я безъ тебя—одиноко пою.

Ты иѣженъ, Поэтъ, ты съ душою воздушною,
Но иѣть миѣ сліянія даже съ тобой,
Понять ты не можешь подругу послушную,
Хоть часто даришь миѣ вѣнокъ голубой.

Ты все-жь, хоть Поэтъ, устась отъ мечтанія,
Славаешься съ жизнью людскою—изношенной.
Но иѣть миѣ сліянія, вѣчно изгнаніе,
Я—греза, я—призракъ любовницы брошенной.

ЖАЛОБА ДѢВУШКИ.

О, люди, жалко-скучные, о, глупые затѣянки,
Зачѣмъ свои мечтанія въ слова вложили вы?
Вы ходите, вы бродите, по селамъ коробейники,
Но всѣ людскіе вымыслы поблекли и мертвы.

Словами захватили вы всѣ радости желанныя,
Все тайное лишили вы свѣтло-завѣтныхъ чаръ.
И травы грубо топчете, и бродите, обманные,
И, сгорбленные, носите непрошенный товаръ.

Торгуете, торгуетесь, назойливо болтаете,
Ступая, убиваесте безмолвные цветы.
И все, что въ мысли просится, на деньги вы считаете,
И въ сердцѣ оставляете проклятые пустоты.

О, скупики корыстные, глядѣльщики безстыдные,
Оставьте нась,—ужели же вамъ мало городовъ?
Луга мои, мечты мои, неслышныя, невидныя,
Найду ли для любви моей нетронутыхъ цвѣтовъ!

СЪРАЯ ПТИЧКА.

О, сърая птичка, съ глазами печальными, черными,
И съ грудкою алою, точно въ крови,—
Не бейся о клѣтку, съ углами ся, съ прутьями желѣзными,
Узорными,
Въ клѣткѣ—живи.

Ты бѣешься, ты бѣешься. Ужели еще ты не знаешь всемирной законности?
Кто сѣть разставляетъ, тотъ въ клѣткѣ умѣеть держать.
О, сърая птичка, не бейся, подчинись непреклонности,
Научись—даже въ клѣткѣ, звенѣть и дышать.

ПОЛЬСКОЙ ДѢВУШКѢ.

Въ ней есть что-то лебединое,
Лебединое, амфиное,
И поеть мечта иссмѣлая—
Ты ужалиши, лебедь бѣлая?
E.***

1.

Миѣ нравятся иѣжные лепеты сказки,
И юность, и флейты, и ласки, и пляски,
И чутъ на тебя я взгляну,—я ликую,
Какъ будто съ тобою я мазурку танцую.

2.

Я люблю изъ женщинъ тѣхъ,
 Въ чьихъ глазахъ сверкаетъ смѣхъ
 Оттого и безъ огня
 Зажигаешь ты меня.

3.

Я люблю. И развѣ грѣхъ,
 Что въ тебѣ люблю я смѣхъ?
 Утро можно ль не любить?
 Солнце можно ли забыть?

4.

Ты вся миѣ воздушно-желанна,
 Ты вся такъ расцвѣтно-иѣжна.
 Ты—май. Неужели же странно,
 Что весь предъ тобой я—весна.

5.

Ты вся миѣ воздушно-желанна,
 Такъ какъ же тебя не любить?
 Ты иѣжная польская панна,
 Такъ какъ же миѣ иѣжными не быть?

6.

Люди скрываютъ въ себѣ боязливо
 Иѣжное слово—люблю.
 Глупые. Ежели сердце счастливо,
 Развѣ я счастьемъ своимъ оскорблю!

7.

Въ душѣ мої были упреки, ошибки,
По ты предо мной, улыбаясь, предстала,—
И вдругъ я услышалъ пѣвучіл скрипки,
И мы закружились въ веселіи бала.

8.

Въ душѣ мої темноe что-то боролось,
Въ душѣ мої было угрюмо, пустынио.
По я услыхалъ твой дѣвческій голосъ,
И понять, какъ можетъ быть сердце невинно.

9.

Отчего душа проснулась?
Я спросилъ, тревожный, зиойный,
Ты безмолвно усмѣхнулась,
И умчалъ насть танецъ стройный.

10.

Это счастіе откуда?
По опять, одной улыбкою,
Ты сказала: „Радость чуда“.
И помчалъ насть танецъ зыбкій.

11.

Душа полна растроганности кроткой,
И въ садъ вошелъ, и осчастливленъ былъ
Иажданио-лѣжною находкой:
Вдругъ вижу, вотъ, я полюбилъ.

12.

Я нашелъ, весь пронзенный лучами, цветокъ,
И какъ тучка на небѣ, я медлю и таю,
Такъ желаненье миѣ каждый его лепестокъ,
Что, смотря на расцвѣтъ, я и самъ расцвѣтаю.

13.

Въ тебѣ музыкальные сны,
Зеркальность безтрепетныхъ взоровъ,
Сверканье пѣвучей струны,
Согласье манящихъ узоровъ.

14.

Ты всл—свѣтловодный ручей,
Бѣгущій средь мягкихъ излучинъ,
Твой взоръ—чарование лучей,
Твой смѣхъ упомятально-звукенъ.

15.

Ты свѣтъ прямпритальный льешь,
Но вдругъ, словно въ ткани узорной,
Ты прячешься, дразнишь, зовешь,
И смотришь лукаво-задорной.

16.

Будь вѣчно такою счастливой,
Что, если узнаешь ты горе,
Лишь легкой плакучею ивой
Оно бѣ отразилось во взорѣ.

17.

Когда ты въ зеркальности чистой
Допустишь хоть трепетъ случайный,
Въ душѣ моей ликъ твой лучистый
Все жъ будетъ безтрепетной тайной.

18.

Я тебя сохранию новозбранио,
И мечты, что паднительно-юны,
О, воздушная польская пания,
Я вложу въ золотистыя струны.

19.

Когда ты узнаешь смущенность,
О, вспомни, что, иѣжно тоскуя,
Тебѣ отдавая бездонность,
Въ отвѣтъ ничего не прошу я.

20.

Иѣжное золото въ сердцѣ зажглось.
Если кто любить блистающій свѣтъ,
Какъ же онъ Солнцу поставить вопросъ?
Въ самой любви есть отвѣтъ.

21.

О, Польша! Я съ дѣтства тебя полюбилъ,
Во мнѣ непремѣнно есть польская кровь:—
Я вкрадчивъ, я полонъ уточненныхъ силъ,
Люблю, я влюбленъ я въ любовь.

22.

Твой иѣжный румянецъ,
И иѣжные двадцать два года —
Какъ будто бы танецъ
Красиваго въ пляскахъ народа!

ФИНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Ниникъ.

Спи, моя дѣточка, глазки свои закрываи,
Спи, моя дѣвочка, итичка моя полевая,
Свѣтлоголовка, усни, хорошо тебѣ будеть,
Спи, моя дѣточка, Богъ тебя завтра разбудить.

Птичкѣ своей Онь навѣгть воздушныя грезы,
Спазль колыбель ей онь иѣжно изъ листьевъ березы,
Сонь наклонился съ дремотой, и шепчетъ сквозь вѣтку:
Есть ли здѣсь дѣточка? Я убаюкаю дѣтку.

Спить ли здѣсь дѣточка въ мягкой своей колыбелькѣ?
Славно ли дѣточкѣ въ теплой уютной постелькѣ?
Спи, моя дѣвочка, глазки свои закрываи,
Спи, моя дѣточка, итичка моя полевая.

ОСЕНЬ.

1.

Бѣлесоватое Небо, слѣпое, и вѣтеръ тоскливыи
Шелесты листьевъ увядшихъ, поблекшихъ въ мельканіи
дней.

Шорохъ листы помертьѣши, и трепетъ ея торопливый,
Полное скорби качанье далекихъ высокихъ стеблей.

Степь за оградою сада, просторы полей опустѣлыхъ,
Сонные мертвые воды затянутой мглою рѣки,
Сказочность облачныхъ далей, безмолвныхъ, печальныхъ, и
бѣлыхъ,
Шелесты листьевъ увядшихъ, ихъ вздохи, и лепеть тоски.

Смутная тайна мгновеній, которая вѣчно стремится,
Падаютъ съ прозрачнымъ звономъ по склонамъ скалистыхъ
временъ,
Осени саванъ сплетаются, и траурий тканью ложатся,
Зимній готовятъ, холодный, томительный, длительный сонъ.

2.

На кладбищѣ старомъ пустынномъ, гдѣ я скоронилъ всѣ
надежды,
Гдѣ ихъ до меня скоронили мой дѣдъ, мой отецъ, мой
брать,
Я стоялъ подъ Луной, и далеко серебрились, бѣлѣли одежды,
Это вышли изъ гроба надежды, чтобы бросить послѣдний
свої взгляды.

На кладбищѣ старомъ пустынномъ, качались высокія травы,
Нѣмые, густыя, сѣдые, и сердце дрожало въ отвѣтъ.
О, надежды, надежды, надежды, неужели мертвы навсегда
вы?
Неужели теперь вы миѣ шлете замогильный, прощальный
привѣтъ?

На кладбищѣ старомъ пустынномъ,—услышалъ отвѣтъ я
безмолвный,—
Ты самъ скоронилъ насъ глубоко, ты самъ закопалъ насъ
навѣкъ.
Мы любили тебя, мы дышали, мы скользили, какъ легкія
волны,
По твое охладѣвшее сердце отошло отъ сіяющихъ рѣкъ.

На кладбищѣ старомъ пустынномъ, въ безвременье ночи
осенней,
За нами приходишь ты поздно, отсюда закрыта стезя.
Посмотри, все короче минуты, посмотри, все мгновений,
мгновений
Въ истечениі Времени брызги,— и продлить намъ свиданье
нельзя.

На кладбищѣ старомъ пустынномъ, съ сознаніемъ, полнымъ
отравы,
Подъ мертввой Луною, сияньемъ, какъ саваномъ, быль я
одѣть.
И мгновенія испали въ столѣтья, и качались высокія
травы,
И отчаяніе блѣдно струило свой холодный безжизненный
свѣтъ.

ВЪ БЪЛОМЪ.

Я сидѣль съ тобою рядомъ,
Ты была вся въ бѣломъ.
Я тебя касался взглядомъ,
Жаднымъ, но несмѣлимъ.

Я хотѣлъ въ твой умъ проникнуть
Грезой поцѣлуя.
Я хотѣлъ безгласно крикнуть,
Что тебя люблю я.

Но кругомъ сидѣли люди,
Глупо говорили.
Я застылъ въ жестокомъ чудѣ,
Точно быть въ могилѣ.

Точно былъ въ гробу стеклянномъ,
Гдѣ-то тамъ—другое.
Я—съ своимъ видѣньемъ страннымъ,
Въ сказкѣ летаргіи.

И твои глаза горѣли
Въ непостижной дали.
Но монѣ сказать не смѣли,
Почему мерцали.

Ты—невѣста, ты—чужая,
Ты и онъ—мечтанья.
Но застылъ я, твердо зналъ,
Что любовь—страданье.

Вижу, вижу, какъ другого
Счастье ослѣнило.
Я утратилъ силу слова,
Но сильна могила.

Кто узналъ съ другимъ сліянье,
Тѣмъ не возродиться.
Я застылъ, какъ извѣлье,
Знаю, намъ не слиться.

Смерть свою соткала сѣти,
Смерть непобѣдима.
Если есть любовь на свѣтѣ,
Ты лишь мною любима!

ПРОЩАЙ.

За наше „Когда-то“—послѣдний привѣтъ.
И больше ни мысли, ни памяти нѣтъ.

Что было, то было. Что будетъ, не ждеть.
И Солнце все дальше и дальше идетъ.

Въ разбѣгѣ прибоя танцуетъ отливъ.
Но море рокочетъ, и рокотъ красивъ.

Мы счастливы были безумьемъ любви.
Минутнымъ, невѣрнымъ меня не зови.

Я избѣженъ, я вѣренъ отшедшей мечтѣ.
Но вотъ уже эти признанья — не тѣ.

Я счастливъ — я свѣтель — одинъ — какъ звѣзда.
Не помни. Не думай. Прощай. Навсегда.

КОЛЬЦО.

Нѣть, наша встреча не случайна,
И помню я твоё лицо,
Можь нами дремлющая тайна,
Душа душѣ дала кольцо.

И нѣть въ словахъ опредѣленья
Для этой тайны, что вдвоемъ
Черезъ потоки измѣненья
Мы не роняя пронесемъ.

И нашихъ чувствъ не называй,
Затѣмъ, что имъ названья нѣть,
Мы будемъ свѣтлы — испоминая,
И созерцая тайный свѣтъ.

БЫТЬ МОЖЕТЬ.

Быть можетъ черезъ годы, быть можетъ черезъ дни,
Съ тобой мы будемъ вмѣстѣ, и будемъ мы одни.

И сердце сердцу скажетъ, что въ смынѣ дней и лѣтъ,
Есть вѣчный, негасимый, неуловимый светъ.

Онъ былъ у насъ во взорахъ, названья нѣть ему,
Онъ будеъ снова—знаю, не знала, почему.

Но мы, перемѣнившись во виѣшностихъ своихъ,
Другъ другу молча скажемъ, глазами, яркій стихъ.

Мы скажемъ: Вотъ, мы вмѣстѣ. Гдѣ жизнь? Гдѣ міръ? Гдѣ
память?

Мы—жизнь, и въ перемѣнахъ для сердца нѣть измѣнъ.

Еще, еще мы скажемъ, но что, не знаю я,
Лишь знаю, что бессмертия любовь и жизнь моя.

Лишь знаю—поблѣдишь, и поблѣдишь ты,
И въ насъ обоихъ всыхнутъ, лишь намъ, всѣ черты.

ТЫ ПРИШЛА.

Ты пришла, какъ приходитъ весна,
Расцвѣла, какъ весенний цвѣтокъ.
И въ душѣ у меня тишина,
Хоть теперь отъ тебя я далекъ.

Тишина иозвучіе строкъ,
И дрожанье, и пѣнье мечты.
Ты нѣжна, какъ воздушный намокъ,
Ты нѣжна, какъ ночные цвѣты.

Сердце хочетъ всегда Красоты,
Мысли жаждутъ цвѣтовъ и зимой.
Ты была и осталася—ты,
Я въ минувшемъ и будущемъ твой.

Миѣ не страшно быть порознь съ тобой,
И звучить и не молкнетъ струна.
Ты подъ снѣгомъ, цвѣтокъ голубой,
Но ужь близко вторая весна.

ВНОВЬ.

Я вновь хочу быть нѣжнымъ,
Быть кроткимъ навсегда,
Прозрачнымъ и безбрежнымъ,
Какъ воздухъ и вода.

Безоблачно прекраснымъ,
Какъ зеркало мечты,
Непонятымъ и яснымъ,
Какъ небо и цвѣты.

Я вновь хочу быть соннымъ,
Быть въ грезѣ голубой,
И быть въ тебѣ влюбленнымъ,
И быть всегда съ тобой.

СЕРЕБРЯНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Серебряные звѣзды, я сердце вамъ отдамъ,
Но только вы скажите—вы что ночными цвѣтами
Сюда сяньемъ лѣто, сияя вѣчно тамъ?

Серебряные мысли полночной тишины,
Вы нѣжны и нарядны на Праздникъ Весны,
Но что въ васъ тайно дышеть? Какіе въ звѣздахъ сны?

Серебряныя воды просторовъ неземныхъ,
Въ зеркальностяхъ Природы какой поетъ стихъ?
Вселенскія озера! Потоки водъ живыхъ!

Такъ молча звѣзы съ сердцемъ старался я слысти,
Душой своей вздыхал у Млечнаго Пути,
И талismanъ мечтал межъ дружныхъ звѣздъ найти.

Я спрашивалъ, я слышалъ искримую струну,
Забыть, глядѣть ли въ Небо, въ свою ли глубину,
Но я любилъ, лелеѧть влюблённость и Весну.

Душа моя дрожала отъ нѣныя тайныхъ строкъ,
Въ душѣ моей раскрылся невѣдомый цветокъ,
Узнать его название я никогда не могъ.

Но весь я полонъ нѣныя, сїния странныхъ сновъ,
О, праздникъ обрученья Небесъ и ленестковъ,
О, таинство вѣчанья созвѣздій и пѣтровъ!

МАНДОЛИНА.

Свѣтлый голосъ мандолины сладкой лаской прозвучаль.
Точно кто-то поцѣлуй мой съ поцѣлуемъ обвѣничаль.

Точно кто-то, властнымъ словомъ, вызывавъ къ жизни брызги
струй,
Далъ имъ литься, далъ имъ сливаться въ долгій влажный по-
цѣлуй.

О, Неаполь! Волны Моря! Афродиты колыбель!
Легкий звонъ ростеть, лелѧ. Вѣсть илъюшій Апрѣль.

Бѣлыи свѣгъ въ горахъ растаялъ, блескомъ влажности
плыветъ.

Капля съ каплей тѣсно слиты, ключъ звенить, и ключъ зовѣть.

Возвеличились, запѣли, закипѣли ручейки,
И въ русль, какъ въ колыбели, стало тѣсно для рѣка.

И рѣка, въ своемъ стремленыи, впала въ Море, въ блескъ
и гуль,
Въ пѣнной зыби, въ смутномъ пѣни, призракъ ласковый
мелькиузъ.

Губы—иѣжный цвѣтъ коралла, очеркъ блѣднаго лица,
Струи, струи, поцѣлуй, струи, струи, безъ конца.

Сладкій голосъ мандолины, Итальянскій свѣтлый сонъ,
Иѣжный съ иѣжнымъ, близокъ мысли, юный съ юнымъ, въ
Жизнь влюбленъ.

НОЧНОЙ ЦВѢТОКЪ.

Вновь и вновь струятся строки
Звучно-сладостныхъ стиховъ,
Снова зыблиются намеки,
Вновь ищу во тьмѣ грѣховъ.

Темной ночью, глухо спящей,
Еле слышно въ садѣ иду,
И подъ чащѣй шелестящей
Съ красотою рѣчъ веду.

„Красота моя, ты любишь?
Если любишь, будь моей.“

„Милый, ты меня погубишь,
Милый, милый, пожалей.“

Мигъ борьбы взаимно-нѣжной,
Слышанный, слышанный стукъ сердецъ,
Свѣтъ незримый, свѣтъ безбрежный,—
О, блаженство! Наконецъ!

Мглой ночною, черноокой,
Много скрыто жгучихъ сновъ.
„Милый, милый, ты—жестокий!“
Въ оправданье нужно ль словъ?

Тотъ, кто любить, развѣ губить,
Разъ желанное береть?
Онъ лишь нѣжитъ, онъ голубить,
Въ сердце медь онъ сладко льетъ.

И не ночью ли глубокой,
О, блаженство красоты,
Подъ лазурью звѣздоокой
Дышутъ нѣжные цвѣты?

Не во тьмѣ ли, опьяненный,
Мглу поинть ночной цвѣтокъ,
Не жалѣя, что влюбленный,
Наконецъ, раскрыться могъ?

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

Легкий листъ, на липѣ млѣя,
 Лунный лучъ въ себя вобралъ.
 Спить зеленая аллея,
 Лишь вверху поеть хоралъ.

Это—луннос томленье,
 Съ нѣжнымъ вешнимъ вѣтеркомъ,
 Легкость ласкъ влагаетъ въ пѣнье
 Липы, загрезившихъ кругомъ.

И въ истомѣ замиранья
 Ихъ вершины въ сладкомъ сиѣ
 Слышать лунное сіянье,
 Слышать вѣтеръ въ вышинѣ.

Свѣтъ Луны и вѣтеръ вешній,
 Блѣдный ландышъ спить въ тѣни,
 Грезя, видѣть сопѣ нездѣшній,
 Дню хранить свои огни.

Полонъ зыблемаго звона,
 Легкой грезы и весны,
 Съ голубого небосклона
 Принимасть лучъ Луны.

Ликъ Луны, любовь лѣтъя,
 Миръ чаруетъ съ высоты.
 Спить зеленая аллея,
 Сиять деревья и цвѣты.

„BEN ESCRIVIA MOTZ ET SONS“.

О забытомъ трубадурѣ, что ушелъ въ иной предѣль,
Было сказано, что стройно онъ слагать слова и пѣть.
И не только пѣль онъ пѣсни, но умѣль ихъ записать,
Въ знаки, въ строки, и въ намеки жемчугъ чувства нани-
зать.

Эти пѣсни трубадура! Эти взоры châtelaine!
Эти звуки, перезвонь двухъ сердецъ, попавшихъ въ пльни.
Я ихъ вижу, знаю, слышу, боль и счастье ихъ дѣлю,
Наши струны вѣчно-юны, разъ поютъ они: „Люблю“.

Мертвый замокъ, долгій вечеръ, мостъ подъятый, рвы съ
водой,
Свѣтъ любви, и звонъ мгновенія вьются, льются чередой.
Нѣть чужихъ, и нѣть чужого, нѣть владыкъ, и нѣть ра-
бовъ,
Только льстятся серебристы ручеекъ напѣвныхъ словъ.

О, ручей, звончай, звонче. Сердце проситъ, мысль зоветъ.
Сердце хотеть, мысль подвластна, власть любви—какъ сладкій
медъ.

Эта власть раба равнѣеть съ самой лучшей изъ царицъ.
Взоръ темиѣеть, сказка свѣтить изъ-подъ дрогнувшихъ рѣс-
ницъ.

Эти пѣсни трубадура! Эти взоры châtelaine!
Сколько пышныхъ странъ раскрылось въ двухъ сердцахъ средь
темныхъ стѣнь.
Рабъ — съ царицей, иль рабыня наклонилась къ королю?
О, любите, струны—юны, разъ поютъ они: „Люблю“!

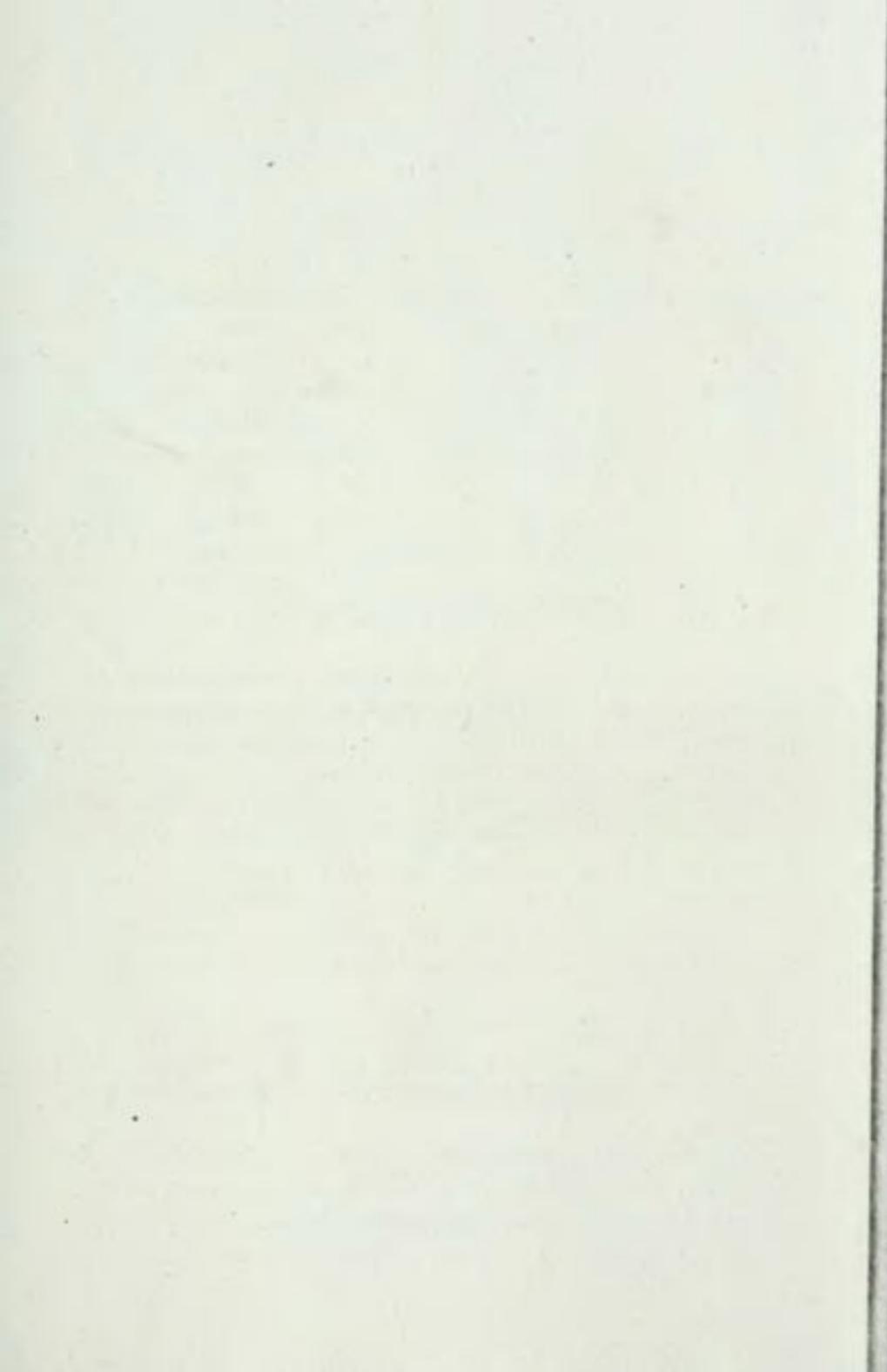
ЧЕРНАЯ ОПРАВА.

Die Hochzeit kam für Licht und
Finsterniss.

Nietzsche.

Свадьба настала для Света и
Тьмы.

Ницше.

ПЛЯСКА АТОМОВЪ.

Яйцевидные атомы мчатся. Пути ихъ — орбиты спиральные.
 Въ нашемъ видимомъ явственномъ мірѣ незримая мчится
     Вселенная,
 И спирали уходятъ въ спирали, въ незримости — солнца
         овальный,
 Непостижныя въ малости земли, планетность пылинокъ без-
         смыслина.

Сочетанья, сплетенья, круженье потока скрыто-мальстрѣм-
         наго,
 Да и наль этихъ атомовъ зыбкихъ, въ сліяни съ зопримъ
         течениемъ,
 Плески дикаго смерча, циклона, безмѣрио-бездонно-огромнаго,
 Изначальное празднество чисель, закрученныхъ сложнымъ
         стремленіемъ.

Въ чёмъ ихъ цѣль, въ чёмъ ихъ смыслъ, этихъ плясокъ,
         зачѣмъ коловоротность безсмыслина,
 Не дозидались Индійцы, Китайцы, не вѣдала мудрая Греція,
 И о смыслѣ ихъ шабаша знать надменная мысль совре-
         менная
 Такъ же мало, какъ старыя пѣсни, наивныя пѣсни Лукреція.

Но несчетности атомовъ мчатся, Вселенная дышеть Вселен-
         ными,
 Несосчитанность явиостей нашихъ съ бездонной Незримостью
         скована,
 И желанию ли намъ, нежеданию ль быть вакхами, будучи
         плѣнимы,
 Но кружит-ся должны мы, должны мы — зачѣмъ? — намъ
         узнать не даровано.

ИХЪ ДВОЕ.

Довременно Добре Начало,
Довременно и Начало Злое.
Чтò слышишь,—Мысль миъ не сказала,
Лишь одно известно миъ:—Ихъ двое.

Гений неразлученъ съ темнымъ Звѣремъ,
Ликъ Огия—въ земновой оправѣ,
Вѣри въ Бога—въ Дьявола мы вѣримъ,
Стропимъ Замокъ—быть при немъ каинавѣ.

Ты дрожишь, обличное Мечтавье,
Какъ собака подъ хлыстомъ владыки?
Маятника лживое болтанье,
Въ Замкѣ—пѣсни, въ подземельи—крики.

Маятникъ—прикованный и мѣдный,
Мечется и вправо онъ и влево,
Эта сказка—кажется миъ блѣдной,
И дрожу отъ бѣшенаго гнѣва.

И дрожу—и Мысли нѣть исхода,
Разъ я светлый—весь мой мракъ откуда?
Красота—въ облытияхъ урода,
Богъ Христосъ—и рядомъ съ нимъ Іуда.

Тутъ и Чудо—Мысли не помогутъ,
Потому что разумъ мой—не чувство,
Потому что Мысль играть не можетъ,
И не прячеть доводовъ въ Искусство.

Если Миръ—какъ Миръ—противорѣчье,
Я не знаю, чѣмъ онъ разрѣшится.
Въ Вавилонѣ—разныя нарѣчья,
И всезряцей башни—въ высѣ не взвѣтися.

Умствователь пишцій, я слабъю,
Предаюсь безумному Поэту,
Боль зову я правою своею,
Въ темной Ночи пѣснъ слагаю Свѣту.

ПРОНУЦІАМІЭНТО.

Снова Тѣнь, и снова Дьяволъ, снова Тѣнь, и снова боги,
Снова тягость перекрестковъ, и несчетныя дороги.
Будеть, будеть. Надоѣло. Есть же мѣра иаконецъ.
Если жалкую повторность ты не видишь, ты—глупецъ.

Или нужно въ самомъ дѣлѣ намъ вздыхать, блѣдѣть все-
часно?

Даже глупая ищѣйка устаетъ искать напрасно.
И тогда ее хозяинъ прочь съ собой ведетъ домой:
И не скажетъ: „Ису—усталость!“ И не скажетъ: „Отыхъ—
хой!“

Идти, собаку холить, кормитъ.—кто пдеть за красной личью.
Это только справедливость, тутъ и мѣста иѣть величью.
Мы же, люди, кто мы? Что мы?—Кто не стѣнь, тотъ самъ
суди:—

Мы—охотникъ, мы—собака, или—звѣрь съ копытъ въ груди?

Выбирайте. Только, братъ, разъ хотите вы лохмотій,
И вамъ больше не товарицъ, здѣсь, на этомъ поворотѣ.
Брама, Шину, Сива, Эа, Марри-Лугга, Одинъ, Торъ,
Витцинохти, маски, маски, это все сплошной позоръ.

Въ лабиринтахъ ли Индійскихъ, или въ бѣшеной Валгаллы,
На уступахъ пирамидныхъ Мексиканскихъ теокалли,
Всюду—Демону въ угоду—истязаніе умовъ,
Трепетъ вырваннаго сердца, темный праздникъ, темный ровъ.

Жертва, жертва, ножъ воинственный, ужасъ взора, кровь изъ груди,
 Растоптанье, оскверненье, одураченные люди.
 Прочь, кошмары, Ночь провальна, прочь, Драконъ, и прочь,
 Змѣя,
 Я люблю одну безднность, это—Воля, это—Я.

Вѣра въ Тѣни это только—мозговая паутинка,
 Призракъ Дьявола—попутчикъ Привидѣнья-Исполина.
 Противъ этихъ двухъ Бактерій прибываю я къ Лучу:—
 Нѣть ихъ больше! Ихъ больше! Больше Чудище не
 точу!

• МИРОВАЯ ТЮРЬМА.

Когда я думаю, какъ много есть Вселенныхъ,
 Какъ много было ихъ, и будетъ вновь и вновь,—
 Миръ Небо кажется тюрьмой несчастныхъ плѣнницъ,
 Гдѣ сѣть закатности есть жертвенная кровь.

Онить разрушатся всѣ спайки, склейки, скрѣпи,
 Всѣ связи рушатся,—и снова будетъ Тьма,
 Плясъ жадныхъ атомовъ, чудовищно-супрѣпый,
 Циклонъ незримостей, стихийная Чума.

И вновь сомнѣть, скучеть водоворотъ спиральный,
 Звено упорное сложившихся планетъ,
 И странной музыкой, безгласной и печальной,
 Въ эоприыхъ пропастяхъ польется звѣздный свѣтъ.

И какъ въ былые дни, чтобы прочнымъ было зданье,
 Подъ основаніе бывалъ живой зарыть,—
 Въ блестящихъ звѣздностяхъ есть бѣшенство страданья,
 Лучесть Дворецъ Небесъ, но онъ изъ тяжкихъ плать.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Мучительная слитность

Волны съ волной, волны съ волной, въ туманной иераз-
рывности.

Томленье, беззащитность

Всѣхъ нашихъ думъ, всѣхъ нашихъ сновъ, во всей ихъ
страшной диности.

Волна волной быть хотеть,

Но прочь уйти отъ прочихъ волнъ никакъ нельзя въ Без-
брежности.

И сердцу умъ пророчить,

Что каждый мигъ, что каждый лучъ есть отблескъ Безна-
иадежности.

БОГЪ ОКЕАНЪ.

Волны морей, беспредѣльно—пустыни—шумящія,

Богъ Океанъ, многогласно—нечально—взывающій,

Пынныя ткачи, безцѣльно—воздушно—летящія,

Брызги съ воздушностью, призрачно—сказочно—тающей

Горькія воды, туманно—холодно—безбрежныя,

Долгій напѣвъ, безконечно—томительно—длительный,

Волны морей, безкоица—безкоица—безнадежныя,

Богъ Океанъ, неоглядно—темно—утомительный.

ГОРЬНИЕ.

Изначально горьние Желанья,
 А въ пламени—волны повторныя,
 И рождаются въ Небѣ синяя,
 И горять ихъ сплетеныя узорыя.

Неоглядны просторы морскія,
 Незнакомы съ уютомъ и съ жалостью,
 Каждый мигъ эти воды—другія,
 Полны тьмою, зазурностью, влостию.

Имъ лишь этимъ и можно униться,
 Красотою оттѣновъ различія,
 Загораться, носиться, кружиться,
 И взметаться, и каждать величія.

Если жь волны предѣльны, устали,
 Въ безднахъ Мира, стѣной онѣмѣлою,
 Возникаютъ высокія скалы,
 Чтобъ разбиться имъ пѣною бѣлою.

МУДРЕЦЫ ГОВОРЯТЬ.

Мудрецы говорятъ: описать намъ Его невозможно,
 Трижды темиаля Тайна, хоть Онъ—ослѣпительный Свѣтъ.
 Лишь скажи утвержденье,—оно ужъ наявърное ложно,
 Всѣ реченья о Немъ начинаются съ возгласа: „Нѣть“.

Нѣть въ Немъ скорби, ни жизни, ни смерти, ни сновъ,
 ни движенья,
 Но, скорбл со скорбящимъ, съ живущимъ живеть Онъ какъ
 братъ.

И повсюду, во всемъ, ты увидишь Его отраженья,
Онъ въ зрачкахъ у тебя, Онъ твой первый, послѣдний твой
взглядъ.

Не терзайся, душа, если рѣчь разскажать неспособна
То, что, будучи Словомъ, бѣжитъ отъ несчетности словъ.
Капля каждая—впади—играеть и вскрится дробно,
И не капль явить Океанъ, безъ тѣснинъ береговъ.

Мудрецы—говорятъ. Но не мудли, душа, съ мудрецами,
Если хочешь побыть съ Тѣмъ, Кто въ каждой песчинкѣ
пустыни.

Видишь—горы горятъ сиѣговыми своями вѣницами?
Шхъ молчанье — съ душой, ихъ молчанье есть область
святынь.

Лишь вступи въ этотъ міръ, или пѣнью винтай Океана,—
Ты задохнешь и поймешь, что бесѣдуется Кто-то съ тобой,
И закроется въ сердцѣ глубокая алая рана,
И утонетъ душа въ Бѣлизнѣ, въ глубинѣ голубой.

КАКЪ ЗНАТЬ?

Далеко идутъ—идутъ пути.
Ждуть ли насть, въ концѣ ихъ, за горами?
Есть ли Богъ? Онъ сжалится ль надъ нами?
Есть ли Богъ, и какъ Его найти?

Заташъ невыраженный вздохъ,
Я прошелъ несчетные дороги.
Мозгъ болитъ, болятъ глаза и ноги.
Я не знаю, братъ, есть ли Богъ.

Всѣ устали въ тягостномъ пути.
Вотъ, теперь послѣдняя дорога.

Если даже здесь не встрѣтимъ Бога,
Больше негдѣ Бога намъ найти.

Страшный путь. Уступы. Скудый мохъ.
Западилки—всюду щели, срывы.
Будемъ ли въ концѣ концовъ счастливы?
Какъ узнать! Какъ знать, какой Онъ,—Богъ!

НЕ ОБВИНИЙ.

Не обвиняй, не обвиняй. Быть можетъ онъ исправъ.
Но онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ пучокъ душистыхъ травъ.
И онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ замуровать окно.
И Миръ Ночной, и Миръ Дневной идутъ къ тебѣ на дно.

Ты потонулъ. Ты здесь успулъ. И встать не можешь ты.
Но вотъ въ тюрьмѣ глядятъ, ростутъ, и царствуютъ цветы.
На мѣстѣ томъ, где ты лежишь, какъ трупъ ты долженъ
быть.
Но сердце знаетъ, что нельзя созвѣздья не любить.

Не обвиняй, не обвиняй—хотя бы потому,
Что обвиненіемъ все равно не повредишь ему,
А только сдѣлаешь свой взоръ тяжелымъ и болинымъ.
И, если вправду онъ исправъ, сравняешься ты съ нимъ.

А если то не случай былъ, что онъ забылъ цветы?
А если то не случай былъ, что Небо видишь ты?
Какъ взглянешь ты, когда онъ вѣругъ въ тюрьмѣ откроетъ
дверь,
Отворить дверь, что заперта, закована теперь?

Я знаю, больно ждать того, что только может быть.
Но счастливъ тотъ, кто даже боль сумѣсть полюбить.
Я знаю все. Миѣ жаль тебя. Но чу! Цвѣты—цвѣтутъ.—
Мой братъ, я—духъ того, кто былъ—въ твоей тюрьмѣ—
вотъ тутъ.

ОТЗВУКИ БЛАГОВѢСТА.

Въ недвижности, въ безгласной летаргії
Прибрежныхъ скалъ, молчащихъ надъ водой.—
Молчащихъ вѣкъ, вѣка, еще, другіе,
Молчащихъ въ безглагольной летаргії,—
Есть смыслъ—какой?—не уловить мечтой,
Но только вѣчный, благостный, свитой,
Сильный, чѣмъ вѣнчаны морскія.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ.

Западъ и Сѣверъ облыты
Пламенемъ вечера соннаго.
Краски печально-богаты
Дня безвозвратно-сожженнаго.

Вѣтеръ шумитъ, не смолкая,
Межу листовъ онадающихъ.
Съ краю пропосится стал
Штицъ, дающіо улетающихъ.

Счастливъ, кто мудро наполнилъ
Хлѣбомъ амбары укромные.
Горе, кто трудъ не исполнить,
Горе наѣмъ, мыслящіи темпіе!

ТЬНЬ ОТЪ ДЫМА.

Мое несчастье несравненно
 Ни съ чимъ. О, подлинно! Ни съ чимъ.
 Другое—дымъ, я—тьнь отъ дыма,
 И всѣмъ завидую, кто—дымя.

Они горѣли, догорѣли,
 И, все отдавши яркимъ снамъ,
 Спѣшать къ назначенной имъ цѣли,
 Стремятся къ синимъ небесамъ.

Великии схвачены закономъ,
 Покорно таютъ въ свѣтлой иглѣ.
 А я, какъ эмбѣй, ползу по склонамъ,
 И опрокинутъ на землѣ.

И я хотѣль бы на вершинѣ
 Хоть блѣдныи прозракомъ дойти,
 Они—для всѣхъ, они едини,
 Но я цѣплюсь по пути.

Увы, я самъ себя не знаю,
 И отъ себя того я жду,
 Что преградить дорогу къ Раю,
 Куда такъ зыбко я пду.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Сѣжные храмы въ душѣ воззываются,
 Горные замки изъ чистаго льда,
 Воспоминаніемъ они называются,—
 Но не тревожь ихъ мечтой никогда.

Нѣкогда жившія, страстью любившія,
Вставшія свѣтлой нѣмой чередой,
Воспоминанья кристалы застывшіе,—
Но не буди ихъ тревожной мечтой.

Воспоминанья граничать съ раскальнемъ,
Только ихъ тронешь горячимъ лучомъ,
Льды разомкнутся, смягченные таяньемъ,—
Сиѣжнія глыбы польются ручьемъ.

Бѣлые хлопья, потоками мутными,
Жадные, падаютъ внизъ съ высоты,
Съ комьями грязи несутся попутными,—
Воспоминаніе, это ли ты?

Гдѣ же все чистое? Гдѣ все искинное?
Храмы и замки изъ снѣга и льда?
Воспоминанія—тяжесть лавинная,—
О, не тревожь ихъ мечтой никогда!

ГЕНИЙ МГНОВЕНІЯ.

Ко мнѣ приходятъ юноши порой.
Я ихъ пѣлю ласковой игрой
Моихъ стиховъ, какъ флейта, луно-иѣжныхъ.
Загадкой глазъ, изъ мѣра сновъ безбрежныхъ.
Душа къ душѣ, мы грезимъ, мы поемъ.
О, юноши, еще вы чужды грязи,
Которую мы будилми зовемъ.
Вашъ умъ—въ мечтѣ опаловой, въ алмазѣ,
Въ кораллахъ губъ, сомкнутыхъ сладкимъ сномъ.
Но вы ко мнѣ приходите наивно,
Моя мечта лишь призрачно-призыва.

Зову, но самъ не знаю никогда,
Въ чемъ свѣтъ, мой свѣтъ, и онъ влечетъ—куда.
Но я таковъ, я съ міромъ сказокъ слитенъ,
Какъ снѣгъ жестокъ,—какъ иной, беззащитенъ.

ЧИТАТЕЛЬ ДУШЪ.

Читатель душъ людскихъ, скажи намъ, что прочелъ ты?
Страницы Юности? Поэмы Красоты?
— О, нѣть, затасканы, истерты, темны, желты
Въ томахъ людской души несчетные листы.

Я долго ихъ читалъ, и въ разныя нарѣчья
Упорно проникалъ внимательной мечтой,
Все думалъ въ ихъ строкахъ нежданность подстеречь я,
Искалъ я тайны тайгъ за каждою чертой.

Я родился чтецомъ, и призрачныя строки
Полуослыпшій взоръ волнуютъ, какъ всегда,
Я жажду острововъ, ищу, люблю намеки,
Ихъ мало, и горька въ моряхъ души вода.

За днями странствія, усталый, истомленный,
Въ книгохранилище случайное зайду,
Передъ чужой душой встаю, какъ духъ безсонный,
И укоризнено бесѣды съ ней веду.

Зачѣмъ такъ блѣдны вы, несмѣлья стремленья?
Зачѣмъ такъ гордости въ вѣсѣ мало, сны людей?
Я иногда хочу, вамъ всѣмъ, уничтоженія,
Во имя свѣжести нетронутыхъ полей.

Не потому ль, храня незримую обиду,
Прарода вольная замыслила потопъ,

Прілла гибній лікъ, и стерла Атлантиду,
Чтобъ всѣ повторности нашли свой вѣрный гробъ?

Намъ быстрый часъ грозить. Есть мѣра повторенія.
Природа стережетъ, и утра ждеть отъ насъ.
Сожжемте жь прошлое, сплетемъ въ вѣнокъ мгновенія,
Начнемъ свою Весну, скорѣй, теперь, сейчасъ!

ЗАМОКЪ.

Глубокіе рвы. Подъемные мосты.
Высокія стѣны съ тяжелыми воротами.
Мрачные покои, гдѣ сырое и темно.
Высокіе залы, гдѣ гулки такъ шаги.
Стѣны съ портретами предковъ непривѣтныхъ.
Пальцы, чтобы ткань все ту же вышивать.
Узкія окна. Внизу—подземелья.
Зубчатыя башни, ихъ сѣрый цвѣтъ.
Сѣрый ихъ цвѣтъ, тяжелыя громады.
Что тутъ дѣлать? Сегодня—какъ вчера.
Что тутъ дѣлать? Завтра—какъ сегодня.
Что тутъ дѣлать? Завтра—какъ вчера.
Только и слышишь, какъ воетъ вѣтеръ.
Только и помнишь, какъ ноетъ сердце.
Только взойдешь на вершину башни.
Смотришь на дальнюю даль горизонта.
Тамъ, далеко, страны другія.
Здѣсь все тѣ же лѣса и равнинны.
Тамъ, далеко, новое что-то.
Здѣсь все тѣ же долины и горы.
Замокъ, замокъ, открой ми ворота—
Сердце больше не можетъ такъ жить.

ЖЕЛЪЗНЫЙ ШАРЬ.

Не говори ми—Шаръ Земной, скажи точнѣе—Шаръ Желѣзный,

И я навѣки излѣчусь отъ боли сердца безполезной,
Да, Шаръ Желѣзный, съ кругомъю колодцемъ скрытаго
огня,
И легкии слоемъ верховыи земли съ полями ячменя.

Съ полями ржи, съ лугами травъ, съ зелеными коврами
льса,

Съ громадой горъ, гдѣ между скаль недвижныхъ тучъ ви-
ситъ занѣса,
И съ этой илѣсенію людской, гдѣ ярче всѣхъ—кто всѣхъ
старѣй,
Кто мозгъ свой жадныи расцвѣтилъ насчетъ умовъ другихъ
людей.

Я только долженъ твердо знать, что жостокъ этотъ Шаръ
Желѣзный,

И пусть, и пусть. Зачѣмъ же грустъ? Мы съ нимъ летимъ
воздушной бездной.

Зачѣмъ же мягкими буду я въ желѣзныи, въ жосткій этотъ
вѣкъ?

И мечъ беру — и я плыву — до устья пышныхъ—пышныхъ
рѣкъ.

ПРИМѢТА.

Только ты въ мой умъ ироникъ,
Въ замокъ, спрятанный за рвами.
Ты увидѣлъ тайныи лакъ,
Съ зачарованными снаами.

Что намъ этотъ блѣдный міръ?
 Есть съ тобой у насть примѣта:
 Въ каждомъ схимникѣ — вампиръ,
 Въ каждомъ дьяволѣ — комета.

Только ты поймешь меня.
 Только ты. На что мнѣ люди!
 Мы — оть Духа и Огия,
 Мы съ тобою — чудо въ Чудѣ.

ЗМѢЙ.

Постой. Мигъ кажется, что я о чёмъ-то позабылъ.
 Чей странный вскрикъ: „Змѣя! Змѣя!“ — чей это возгласъ
 былъ?
 О томъ я въ сказкѣ ли читалъ? Иль самъ сказалъ кому?
 Или услышалъ отъ кого? Не знаю, не пойму.

Но въ этотъ самый бѣглый мигъ я вспомнилъ вдругъ оштынь,
 Какъ сладко тѣломъ къ тѣлу линуть, какъ радостно обильть,
 И какъ въ глаза идеть огонь зеленыхъ женскихъ глазъ,
 И какъ возможно въ Вѣчный Кругъ сковать единый часъ.

О, въ этотъ мигъ, когда ты мнѣ шепнула: „Милый мой!“ —
 Я вдругъ почувствовалъ, что вновь я схваченъ властной
 Тьмой,

Что звѣзды къ звѣздамъ въ Небесахъ стремительно текутъ,
 Но все созвѣздья сплотены въ одинъ гигантскій жгутъ.

И въ этотъ жгутъ спѣшать, бѣгутъ несчетности людей,
 Снаружи онъ блестящъ и твердъ, но въ полости своей,
 Во впадинѣ сферъ жадныхъ звѣздъ сокрыта топь болотъ,
 И кто войдетъ, о, кто войдетъ, — навѣкъ съ нимъ конченъ
 счетъ.

Безумный сонъ. Правдивъ ли онъ иль ложенъ,—какъ мнъ
знатъ?

Но только вдругъ я ощутилъ, что страшно мнѣ обнять,

И я люблю—и я хочу—и я шепчу: „Моя!”

По молча въ памяти моей звенилъ: „Змѣя! Змѣя!”

ГРАНИЦЫ.

Я задыхался много разъ,
Въ глубокой тымѣ, и въ поздній часъ,
И задыхались близъ меня
Другie люди, безъ огня.

О, да, безъ дамны, безъ свѣчей,
И въ домѣ, бывшемъ какъ иначай,
Гдѣ только стѣны говорять,
И даже взглядъ не видить взглядъ.

Но стѣны! Стѣны суть черты,
Границы смежной темноты,
Гдѣ тоже кто-то, въ поздній часъ,
Дышать, задохся, и погасъ.

И два, одинъ съ другимъ, молчать,
И въ душахъ сатанинскій чадъ,
И двумъ ихъ близость говорить,
Что атомъ съ атомомъ не слить.

ЛЕМУРЫ.

Правдивая сказочка.

Троеглазые Лемуры,
Тыломъ тяжки и понуры,
Между сосенъ вѣковыхъ,
Тамъ, гдѣ напоротицъ-чудо
Разрастается, какъ груда,
Собрались—и сколько ихъ!

И какой ихъ видъ ужасный,
Каждый тамъ—какъ сонъ иллюзорный,
Какъ расплывчатый кошмаръ,
Исполниские младенцы,
Гнутся пальцы ихъ въ колѣнца,
Каждый тамъ ни юнъ, ни старъ,

Гнутся руки, гнутся ноги,
Какъ огромныя миноги,
Ноги съ пяткой откидной,
Чтобы ходить впередъ и задомъ,
Измѣрия заднимъ взглядомъ
Все, что встанетъ за спиной.

Да, опасна ихъ дорога,
Планъ ихъ—кожа носорога,
Шкура складками виситъ,
Надъ, безмозглой головою
Кисти съ краской голубою,
Съ алой краской,—что за видъ!

Въ каждой особѣ двуполой
Дьяволъ свѣтится—веселый,

Но веселемъ такимъ,—
Тутъ разумный только взглянетъ,
Каждый волосъ дыбомъ встанетъ,
Сердце станетъ ледянымъ.

Рѣчь ихъ—мямленые сплошиос,
„А“ и „о“ в „у“ двойное,
Бормотаніе и вой,
Желатинность слитныхъ гласныхъ,
Липкость губъ отвратно-страстныхъ,
И трясенье головой.

И однако жь, вотъ что, дѣтки:
То не сказка, это предки,
Это мы въ эѣсахъ страштей,—
Чтобы въ этомъ убѣдиться,
Стонть только негрузиться
Въ лабиринтъ души своей.

ПРОКЛЯТИЕ ЧЕЛОВѢКАМЪ.

Мы, человѣки длѣй послѣднихъ, какъ блѣдны въ жизни мы
своей!
Какъ будто въ Мирѣ нѣть рубиновъ, и нѣть цѣтовъ, и
нѣть лучей.

Мы знаемъ золото лишь въ деньгахъ, съ остывшимъ блѣд-
нимъ серебромъ,
Не понимаемъ мысли молний, не знаемъ, что пость намъ
громъ.

Для насъ блистательное Солнце не богъ, несущій жизни и
мечъ,
А просто желтый шаръ центральный, планетъ сферическая
печь.

Мы говоримъ, что мы научны, въ нашъ безподобный умный
вѣкъ,
И говорю—мы просто скучны, мы прочь ушли отъ свѣтлыхъ
рѣкъ.

Мы разорвали, расщепили живую слитность всѣхъ стихій,
И мы, живи одинъмъ убийствомъ, бормочемъ лживо: „Не убий“.

Я ненавижу человѣковъ, въ цилиндрахъ, въ мерзкихъ сюр-
тукахъ,
Исчадья вѣчно-душныхъ комнатъ, что могутъ видѣть лишь
въ очкахъ.

И видѣть—только предъ собою, такъ прямо, иу, сажени двѣ,
И тончуть хилыми ногами, какъ звѣри, всѣ цветы въ травѣ.

Сказавъ—какъ звѣри, я унёсилъ—звѣрей, конечно, не людей,
Лишь между звѣрей еще возможна — жизнь, яркость жизни,
безъ тѣней.

О, человѣки днѣй послѣднихъ, вы надоѣли мнѣ вконецъ.
Что между вами найти могу я, искатель кладовъ и сердецъ!

Вы даже прошлые эпохи наклейкой жалкихъ словъ своихъ
Лишили грознаго величья, всѣхъ силь живыхъ, размаха ихъ.

Когда какой-нибудь учёный, сказать точнѣе—маніакъ,
Бесѣдовать о прошломъ хочеть, начнетъ онъ бормотанье
такъ:—

То были для Ихтиозавровъ, Плезіозавровъ... О, глупецъ!
Какія клички ты придумалъ! Да и не ярыкъ мнѣ,—образецъ!

Дай мнѣ почувствовать, что были пры и хохотъ Вещества,
Когда не знали страсти—тюремъ, и кровь живыхъ — была
жива.

Ихтиозавры, Диплозавры, и Птеродактили—суть бредъ,
Не бредъ Стихій, а леность мозга, который замкнутъ въ ка-
бинетъ.

Но, если я скажу, что ящерь влачился по землѣ какъ
домъ?

Быть гамбистой летучей мышью, летѣть въ надземности
китомъ?

И мы при имени Дракона литературность ощутимъ:—
Кто онъ? То Дьяволъ—иль Созвѣздье—Китайскій символъ—
смутный дымъ?

Но, если я скажу, что гдѣ-то многосаженный горный склонъ
Восколебался, закачался, и двинулся—и бысть Драконъ?

Лабораторная зачахлость! Ты смыслъ различья ощутилъ?
Иль пужено изъяснилъ понятній, что ты хромецъ, лишенный
силъ?

О, дни, когда бысть такъ несрodenъ Литературъ человѣкъ,
Что, если закрѣпить хотѣть онъ, чтобъ слышать отъ морей и
рѣкъ,

Влагать онъ сложныя понятия—въ тіэроглифи, но въ слова,
И панорама Неба, Mira въ тѣхъ записяхъ была жива.

То живопись была, сліянно звѣрей, людей, и птицъ, въ
одно.—

Зачѣмъ, Изиды, воззѣ Сфинкса, подъ Солицемъ бытъ мнѣ и
дано!

ЧЕЛОВЪЧКИ.

Человѣчекъ современный, низкорослый, слабосильный,
 Мелкій собственикъ, законникъ, лицемѣрный семьянинъ,
 Весь трусливый, весь двуличный, косодушный, щепетильный,
 Вся душа его, душонка — точно изъ морщина.

Вѣчно долженъ и не долженъ, то нельзя, а это можно,
 Бракъ законный, спроси и купля, обликъ сонный, гробъ
сердечъ,
 Можешь карты, можешь мысли передернуть — осторожно,
 Явно грабить неразумно, но — стриги овецъ.

Монотонный, односложный, какъ напѣвы людоѣда:—
 Тотъ упорно двѣ-три ноты тянуть — тянуть безъ конца,
 Зѣръ несчастный существуетъ отъ обѣда до обѣда,
 Чтобъ пойти, жену убить онъ, умертвить отца.

Этотъ ту же пѣсню тянуть, только онъ вѣдь просвѣщен-
ный,
 Онъ оформить, онъ запишетъ, дверь запреть онъ на крю-
чокъ.
 Бѣдноумный, сыщикъ вольныхъ, немочь сердца, евнухъ
сонный,—
 О, когда бъ ты, миллионный, вдругъ исчезнуть могъ!

БЭДЛАМЪ НАШИХЪ ДНЕЙ.

*Delirant, vociferantur, rident,
plorant, ejulant, praelongam aggerunt
linguam, obscena loquuntur...*

*Брачъ, объ одержимыхъ
Лудумскими дьяволами.*

Безумствуютъ, кричатъ, смѣются,
Хохочутъ, бѣшено рыдаютъ,
Предлиннымъ языкомъ болтаютъ,
Словъ не жалѣютъ, рѣчи злются,
Многоглагольно, въ нестройно,
Безстыдно, пошло, непристойно.

Внимаютъ тѣмъ, кто всѣхъ глумїе,
Кто дологъ въ болтовнѣ тліучей,
Кто человѣкомъ быть не смѣя,
Но тварью быть съ забѣрми умѣл,
Раскрасить краскою линией
Какой-нибудь узоръ дешовыи,
Приткнеть его на столбъ дубовый,
И рѣчью пудрою, скрипучей,
Подъ этотъ стягъ сбирасть стадо,
Гдѣ каждый съ каждымъ можетъ спорить,
Кто всѣхъ животиѣй мутью взгляда.
Кто лучше сможетъ свѣтъ изорить.

О, сердце, есть костры и свѣты,
Есть въ блескъ одѣтые планеты,
Но есть и углы, мраки, дымы
На фонѣ вѣчнаго Горыня.
Понявъ, щади свои мгновенія,
Ты видишь: эти—одержимы,
Бѣги отъ нихъ, имъ нѣть спасенья,

Имъ радостно, что Бѣсъ къ нимъ жмется,
 Который Глупостью зовется,
 Онъ вѣчно ищетъ продолженья,
 Чтобы кормъ найти, въ хлѣвахъ онъ бродитъ,
 И безошибочно находить
 Умалишеннія видѣнья.

О, сердце, Глупый Бѣсъ—какъ Лама,
 Что править душами въ Тибетѣ:
 Одинъ умреть—другой, для срама,
 Всегда въ запасѣ есть на свѣтѣ.
 Бѣги изъ душнаго Бэдлама,
 И знай, что, если есть спасеніе
 Для прокаженныхъ,—есть прозрѣніе,—
 И что слѣди Судьбой хранимы,—
 Глупцы навѣкъ непознаны.

ВОЙНА.

1.

Исторія людей—
 Исторія войны,
 Разнуданность страстей
 Въ театрѣ Сатаны.

Страна тѣснитъ страну,
 И взглядъ встрѣчаетъ взглядъ.
 За краткую весну
 Несчетный рядъ расплатъ.

У бѣгомства мечты
 И бѣшеный языкъ,
 Личина доброты
 Сладость въ быстрый мигъ.

Чтò правою зовуть,
Мучительная ложь.
Смъются ль,—тутъ какъ тутъ
За пазухою ножъ.

И снова льется кровь
Изъ темной глубины.
И вотъ мы вновь, мы вновь—
Актеры Сатаны.

2.

Боже мой, о, Боже мой, за что мои страданья?
Нѣженъ я, и кротокъ я, а страшный міръ жестокъ.
Явствено я чувствую весь ужас трепетанья
Тысячъ рукъ оторванныхъ, разбитыхъ рукъ и ногъ.

Рвущіяся въ воздухѣ безумныя гранаты,
Бывшій человѣческимъ и ставшій звѣрскимъ взглядъ,
Звуковъ сумасшествія тажелые раскаты,
Гимнъ свинца и пороха, напѣвы пуль звенять.

Сонмы пчель убийственныхъ, что жалить въ самомъ дѣлѣ,
И готовить Дьяволу не желтый, красный медъ,
Соты эпамитные, летучія шрапнели,
Понисы липидитные, спирѣйный пудеметь.

А далеко, въ городѣ, гдѣ воръ готовить смѣты,
Люди крѣвковыйные смѣются, ищутъ, Ѣдятъ.
Сышится: „Что новаго?“ Слегка шуршать газеты.
„Вы сегодня въ Оперѣ?“—„Въ партерѣ, пятый рядъ“.

Широко замыслены безмѣрныя мученья,
Водопадъ обрушился, и Хаосъ властелинъ,
Все мое потоплено, кишитъ, гудитъ теченье,—
Я, цвѣты сбирающій, что жь едѣлаю одни!

3.

„Кто визжать, скрить, и плачеть?“

Просвистѣль тосакъ.

„Ты какъ мячъ, и умъ твой скачеть,

„Ты щенокъ, дуракъ!“

„Кто мѣшаеть батвъ честной?“

Крикнуло ружье.

„Мертвый книжникъ, трусь извѣстный,

„Баба,—прочь ее!“

„Кто поеть про руки, ноги?“

Грянулъ барабанъ.

„Рабъ проклятый, прочь съ дороги,

„Ты должно быть пьянь!“

Гиѣшой дробью разразился

Грозный барабанъ.

„Если штыкъ о штыкъ забился,

„Штыкъ затѣялъ и данъ!“

Пушки глухо зарычали,

Вспыхнулъ красный сѣть,

Жерла жерламъ отвѣчали,

Иссякъ былъ отвѣтъ.

Точно чей-то зовь съ амвона

Прозвучалъ въ мечѣ,

И несчетныя знамена

Бились въ высотѣ.

Сильный, бодрый, гордый, смѣлый,

Былъ и я солдатъ,

Шелъ въ безвѣстные предѣлы,

Напригнанъ взглядъ..

Шло нась много, пѣли звоны.
 Съ Неба лваш свѣтъ
 Милліоны, милліоны
 Царственныхъ планетъ.

ВОЙНА, НЕ ВРАЖДА.

1.

Мнѣ странно подумать, что трезвые люди
 Способны затѣять войну.
 И весь—въ созерцательномъ радостномъ чудѣ,
 У ласковой мысли въ плѣну.

Мнѣ странно подумать, что люди враждуютъ,
 Я каждому радъ уступить.
 Мечты мнѣ смѣются, любовно колдуютъ,
 И ткуть золотистую шить.

Настолько исполненъ я вхъ ароматомъ,
 Настолько чужда мнѣ вражда,
 Что, если бъ въ сраженіи былъ я солдатомъ,
 Спокойно бъ стрѣлять я тогда.

Стрѣлять бы я мѣтко, изъ честности бранной,
 Но вѣршъ бы въ жизнь глубоко.
 Безъ гибва, безъ страха, безъ злобы обманной,
 Убить бы и умеръ легко.

И знать бы, убивши, легко умиралъ,
 Что все же мы браться сейчастъ,
 Что это ошибка, ошибка чужая
 На мигъ затуманила нась.

2.

Да, я навѣрно жалъ не годы, а столѣтія,
 Затѣмъ что въ смиѣнѣ зѣтъ встрѣчал—и враговъ,
 На ихъ, какъ на друзей, ис въ спахъ не глядѣть я,
 На вражескихъ рукахъ я не хочу оковъ.

Нѣть, нѣть, мнѣ кажется порою, что съ друзьями
 Мнѣ легче жесткимъ быть, безжалостнымъ подчасъ:—
 Я знаю, что для насть за тѣгостными днями
 Пастанѣть добрый день, съ улыбкой пѣжихъ глазъ.

За мигъ небрежности мой другъ врагомъ не становится,
 Самъ зная слабости, меня простить легко.
 А темнаго врага вражда, какъ тьма, обманеть,
 И упадеть онъ внизъ, въ овраги, глубоко.

Онъ не узнаетъ самъ, какъ слабъ онъ въ гиѣвѣ силыомъ,
 О, величаются упавшие, всегда:—
 Бродячіе огни надъ сумракомъ могильныхъ
 Считаетъ звѣздами проклятия Вражда.

Я знаю, Ненависть имѣть взоръ блестящій,
 И искры сыпаются въ сиданіе клиновъ.
 Но мысль въ сто кратъ свѣтлѣй въ минутности летящей,
 Я помню много битий, и ивожество вѣковъ.

Великій Архимедъ, съ своими чертежами,
 Прекраснѣй, чѣмъ солдатъ, зарѣзавшій его.
 Но жалче—тотъ солдатъ, съ безумными глазами,
 И съ беспощадной тьмой влеченья своего.

Мнѣ жаль, что атомъ я, что я не міръ—два міра!—
 Безумцамъ отдалъ бы я всѣ свои тѣла,—
 Чтобъ, утомясь игрой убѣственнаго пира,
 Сѣпая ихъ душа свой тайный свѣты зажгла.

И, изумленные минутой заблужденья,
Они бы вдругъ въ себѣ открыли новый лазъ,—
И, души съ душами, сплелись бы мы какъ звенья,
И стали бѣ звѣздами, блестялъ каждый мигъ!

ТРОЙСТВЕННОСТЬ ДВУХЪ.

1. ВОЗРОЖДЕНИЕ.

*Strange case of Dr. Jekyll and
Mr. Hyde.*

Stevenson.

Возвращеніе къ жизни, и первый сознательный взглядъ.
— „Мистеръ Хайдъ, или Джекилль?“ два голоса мнѣ говорить,

Почему же это „Или“? я ихъ вопрошаю въ отвѣтъ.
Развѣ мѣста обонимъ въ душѣ зачарованной нѣть?

Гдѣ есть день, тамъ и ночь. Гдѣ есть мракъ, тамъ и свѣтъ
есть всегда.
Если двое есть въ Мирѣ, есть въ Мирѣ любовь и вражда.

И любовь ли вражду побѣдила, вражда ли царитъ,
Побѣдителю скучно, и новое солнце горитъ.

Догоритъ, и погаснетъ, поборется съ тьмою—и ночь.
Тутъ ужъ что же мнѣ дѣлать, могу ли я Миру помочь.

Ничего, Докторъ Джекилль, ты мудрый, ты добрый, ты врачъ,
Потерпи, разъ ты Докторъ, что есть Мистеръ Хайдъ, и ис
плачъ.

Да и ты, Мистеръ Хайдъ, если въ прятки играешь, прай,
А ужъ разъ проигрался, прощай—яли вновь начинай.

И довольно мнѣ словъ. Уходите. Я съ вами молчу.
—О, начало, о, жизнь, неизвѣстность, тебя я хочу!

2. МИРОВОЕ ПРИЧАСТИЕ.

*L'idée pure, l'infini...
Flaubert.*

„L'idée pure, l'infini, j'y aspire, il m'attire”...
О, искавшій Флоберъ, ты предчувствовалъ насть.
Мы и ночи и дни устремляемся въ Миръ,
Мы въ Безднности ждемъ отвѣчающихъ глазъ.

Въ нашихъ жилахъ течетъ испасытная кровь,
Мы безмѣры въ любви, безграницы вдвоемъ.
Но, любя какъ никто, не обманемся вновь,
И влюбленность души не тѣламъ отдаемъ.

Въ океанахъ мечты восколеблена гладь,
Мы воздушны въ любви, какъ воздушенъ туманъ.
Но Глены опять мы не будемъ искать,
И войной не пойдемъ на безумныхъ Троянъ.

Нѣть, иное свѣтло ослѣвило нашъ взоръ,
Мы коснулись всего, растворились во Всемъ.
Глубину съ высотой сочетали въ узоръ,
Съ Мировымъ въ міровомъ мы причастія ждемъ.

Больше медлить нельзя возлѣ старыхъ могилъ,
Что прошло, то прошло, что мертвъ, то мертвъ,
Мы въ стозвучномъ живемъ, въ Литургіи Свѣтиль,
Въ откровеніи Стихій, въ воскресеніи Всего.

3. „Pax hominibus bona voluntatis“.

Миръ на Землѣ, миръ людямъ доброй воли.
 Миръ людямъ воли злой желаю я.
 Миръ тѣмъ, кто ослѣпленъ на браиномъ полѣ,
 Миръ тѣмъ, въ чихъ темныхъ снахъ живетъ Змѣя.

О, слава Солнцу пламенному въ вышнихъ,
 О, слава Небу, звѣздамъ, и Лунѣ.
 Но для меня иѣть въ Мирѣ больше лишнихъ,
 Съ высотъ зову—п тѣхъ, кто тамъ, на днѣ.

Всѣ—въ Небесахъ, всѣ—равны въ разной долѣ,
 Я счастливъ такъ, что всѣхъ зову съ собой.
 Идите въ Жизнь, миръ людямъ доброй воли,
 Идите въ Жизнь, миръ людямъ воли злой.

ГОРОДЪ ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТЬ.

Сонъ волшебный. Миѣ приснился древній Городъ Водъ,
 Что иначе звался—Городъ Золотыхъ Воротъ.

Въ незапамятное время, далеко отъ насъ,
 Люди Утра въ немъ явили свой пурпурный часъ.

Люди Утра, Дѣти Солнца, Духи Страсти, въ немъ
 Обвѣничали Дѣву-Воду съ золотымъ Огнемъ.

Дѣву-Воду, что, зачавши отъ лучей Огня,
 Остается вѣчно-свѣтлой, дѣственность храня.

Дѣти Страсти это знали, строя Городъ Водъ,
 Воздвигая стройный Городъ Золотыхъ Воротъ.

Яркость красокъ, мощность зданій, валь, надъ валомъ валь,
Блескъ цвѣтовъ, глядящихъ въ Воду, въ эту глубь зеркаль.

Городъ-Сказка. Съ нимъ въ сравненіи людный Вавилонъ
Былъ не такъ похожъ на пышный предразсвѣтный сонъ.

Съ нимъ въ сравненіи Аениы, Бенаресъ и Римъ
Взоръ души не поражаютъ обликомъ своимъ.

Это—сказки лѣть позднѣйшихъ, отрезвленныхъ дней,
Лѣть, когда душа блѣдѣеть, дѣлаясь умѣй.

Въ нихъ не чувствуешь нежданныхъ очертаній сна,
Ужъ не сердце въ нихъ, а разумъ, лѣто, не весна.

Въ нихъ не чувствуешь безумья утренней мечты,
Властелинской, исполнинской, первой красоты.

Въ тѣхъ, въ забытыхъ созиданіяхъ, царствовала Страсть,
Ей, желанной, предается, вольно, все во власть.

Оттого-то Дѣти Солица, въ торжествѣ своемъ,
Башней гордою вѣничали каждый храмъ въ домъ.

Оттого само ихъ имя—золото и сталь,
Имя гордою Атланта—Тольтекъ, Рмоагаль.

Въ будни жизнь не превращая, міръ любя, они
Яркой краской, жаркимъ чувствомъ наполняли дни.

До монетъ не уножая золото, они
Изъ него ковали входы въ царственные двери.

Входъ Огнемъ обозначался въ древній Городъ Водъ,
Что иначе звался—Городъ Золотыхъ Воротъ.

ГВОЗДИКИ.

Когда расцвѣтаютъ гвоздики въ лѣсахъ,
Послѣдніе лѣтніе дни истекаютъ.
Въ гвоздикахъ юльскіе дни замыкаютъ
Ту юную кровь, что алѣеть и въ лучахъ.
И больше не вспыхнуть, до новаго года,
Такіе рубины, такая свобода.

НА ЧЕРНОМЪ ФОНѢ.

На черномъ фонѣ бѣлый свѣтъ
Меня мучительно пальняетъ.
И бѣется умъ. Дрожитъ. Не знаетъ,
Не скрыть ли страшный здѣсь отвѣтъ.

Боясь принять отвѣтъ жестокій.
Вопросъ я тайный хороню.
И вновь молюсь. Молюсь—Огню,
Въ тѣни Стремянны звѣздоокой!

ФАТА МОРГАНА.

Фата Моргана,
Замки, узоры, цвѣты, и цвѣта,
Сказка, гдѣ каждая краска, черта
Съ каждой секундой—не та,
Фата Моргана
Явственно свѣтить лишь тѣмъ, кто, внимательный, рано,
Утромъ, едва только Солнце взойдѣсть,
Глянеть съ высокаго камня на Море,
Къ солнцу спиной надъ безграницью водъ,
Съ блескомъ во взорѣ,

Къ Солнцу спиной,
Правда-ль тутъ будеть, неправда-ль обмана,
Только роскошной цветной пелевоей
Быстро возникнетъ предъ имъ надъ волной
Фата Моргана.

1. Красный.

Кораллы, рубины, гранаты,
Вы страннишь виушенъемъ богаты:—
На вѣсъ поглядишь—и живешь,
Какъ будто кого обижаешь,—
На вѣсъ поглядѣвъ, понимаешь,
Что красная краска не ложь.

О, кровь, много таинствъ ты знаешь!

Когда по равнинѣ пустынной-сѣдой
Сколзишь утомлению чуть зрячей мечтой,
Лишь встрѣтишь ты красный какою лоскутою,—
Вмѣшъ въ сердцѣ—рожденіе строкъ,
Какъ будто бы что-то толкнуло мечту,
И любишь опять горячо Красоту
И красочный ловишь намекъ.

О, кровь, я намековъ твоихъ не сочту!

Когда, какъ безгласно-цвѣточные крики,
Увижу я вдругъ на юльскихъ лугахъ
Капли крови въ гвоздикѣ,
Внутри, въ ленесткахъ,
Капли алыхъ крови живой,
Юной, страстной, желающей ласкъ, и дѣлаетъ чуждой на
„мой“ или „твой“,—
Миѣ понятно, о чёмъ такъ гвоздика мечтасть,

Почему лепестки опьянившему Солнцу она подставляетъ:—
 Вижу, вижу, вспыхивает золото въ алую кровь,
 И теряется въ ней, возрождается вновь,
 Взоръ глядить—и не знать, гдѣ имелно Солнце,
 Гдѣ отливы и блескъ золотого червонца,
 Гдѣ гвоздики дѣвически-пѣжной любовь.

О, кровь, какъ ты странно-излѣчительна, кровь!

Вотъ, словно во снѣ,
 Почудились мнѣ
 Столепестковыя розы,
 Въ оттѣнкахъ, въ несчетности вхъ лепестковъ
 Вновь вижу, какъ дѣвственны, женственны грезы,
 Но знаю, что страсть доходитъ почти до угрозы,
 Знаю я, какъ безконечно-богаты уста,
 Поцѣлуй, сближенье, альковъ,
 Какъ первозданно-богаты два рта,
 Въ краснорѣчии безъ словъ.
 Я гляжу, и теряюсь, робѣю,
 Я хочу, и не смѣю
 Сорвать эту розу, сорвать, и познать упоеніе, любовь.

О, кровь, сколько таинствъ и счастій скрываешь ты, кровь!

2. розовый.

Румянецъ яблока, и фонъ Сентябра,
 Съ его травой-листвой воздушно-золотою,
 Румянецъ дѣвушки, когда горитъ заря,
 Румянецъ дѣвушки, идущей за водою,
 Межъ тѣмъ какъ въ серебрѣ и въ зеркалѣ рѣки
 Мелькаютъ, зыбкіе, и пляшутъ огоньки.

Румянецъ сладостно-сдыливаго иезнанья,
 Когда услышать вдругъ она
 Ее смутившее признанье,
 И онъ, сдержавъ свое дыханье,
 Безмолвно чувствовать, что радость—суждена.

И иаконецъ еще, румянецъ тотъ, предѣльный,
 Когда они вдвоемъ сливаются въ одно,
 И чашей полной, чашей цѣльной
 Пьють сладко-шляное вино,
 И въ этой нѣгѣ безпредѣльной,
 Въ предвѣстьнѣи сказки колыбельной,
 Разбиться чашѣ суждено.

3. ПРЕДРАЗСВѢТНО-ЛІПЕСТКОВЫЙ.

Неназываемый цвѣтокъ,
 Который иткенъ и прелестенъ,
 И каждой дѣвушкѣ пзвѣстенъ,
 Какъ всѣмъ пѣвцамъ рожденье строкъ.
 Неназываемый цвѣтокъ,
 Что только разъ одинъ алѣеть,
 И повторяться не умѣетъ,
 Но все вложитъ въ одинъ намекъ.
 Неназываемый цвѣтокъ.

4. ГОРИЦВѢТНЫЙ.

Лепестки горицвѣта, оранжево-огненно-красные,
 При основаніи—съ чернымъ пятномъ.
 Не скрыты ли здѣсь указанья, хотя и неясныя,—
 Какъ и въ сосудѣ съ пурпурнымъ виномъ?
 Веселимся, пьянамся мы, любимся, жаркие, страстные,—
 Темный отстой иеразлученъ со дномъ.

5. желтый.

Спрошу ли умъ, въ чёмъ желтый цветъ,
Душа сейчасъ поетъ отвѣтъ,
Я вижу кругъ, сиянье, сферу,
Не золото, не блескъ его,
Не эту тяжкую химеру,
Что нынѣ стала—вещество
Для униженья моего,
О, пѣть, иное торжество:—
Подсолнечникъ, цветокъ изъ Перу,
Гдѣ звали, какъ лазурь очей
Нѣжна отъ солнечныхъ лучей.

6. красный и желтый.

Камень и камень, бездушная груда
Камни и камни, ихъ глыба темна.
Все же, въ нихъ скрытое, явится чудо,
Только пыль быстрая встрѣча нужна.

Камень о камень ударитъ случайно,
Желтая, красная искры летятъ,
Въ темной безцвѣтности—яркая тайна,
Искры чаруютъ нежданностью взглядъ.

Въ камнѣ скрываются искры живыя.—
Сколько же въ настѣ неоткрытыхъ цветовъ!
Дайте увидѣть цветы золотые,
Быстрая встрѣча нужна для умовъ!

7. КРАСНЫЙ И ГОЛУБОЙ.

Красный цветъ—горячій цветъ,
Голубой—холодный.

Оба шлють глазамъ привѣтъ,
Но мечтой несродной.

Говорить одинъ—люблю,
Все сожгу любовью,
Камни въ лаву растоплю,
Небо вспыхнетъ кровью.

А другой не говорить,
Не грозить, не машить,
Въ немъ спокойный вѣчный видъ,
Вѣчность не обманьстъ.

Красный все зоветъ на бой,
Жаждеть вновь завязки.
Умъ ласкаетъ—голубой,
Правдой дѣтской ласки.

Тяготясь самимъ собой,
Красный, вихрь полныи,
Гонитъ птицъ, звѣрей гурьбой,
Поднимаетъ волны.

Но, законченъ самъ въ себѣ,
Умъ—покой вмѣщасть.
О покорности Судьбы
Голубой вѣщасть.

8. красный, желтый, голубой.

Красный, желтый, голубой,
 Троичность цветовъ,
 Краски выдумки живой,
 Явность трехъ основъ.

Кислородъ, и углеродъ
 Странныя слова,
 Но и ихъ поэть возьметъ,
 Въ нихъ душа жива.

Кислородъ, и углеродъ,
 Водородъ—слова,
 Но и въ нихъ есть желтый медъ,
 Вешняя трава.

Да, въ напѣвъ поэть возьметъ
 Голубые сны,
 Золотистый лѣтній медъ,
 Алый блескъ весны.

Красный, желтый, голубой—
 Троичность основъ,
 Оставаясь самъ собой,
 Миръ нашъ—ими новъ.

9. голубой, зеленый, желтый, красный.

Голубой, зеленый, желтый, ярко-красный,
 Степени различной свѣтлой теплоты.
 Незабудка, стебель, лютикъ, аrumъ страшный,
 Это—возрастные красочныя искты.

Голубые очи дѣтства золотого,
 Изумруды мал, лѣто, страсть, зима,
 Душные теплицы, ночь—и снова, снова
 Лампа, звѣзды, взоры, сказка, ласка, тьма.

10. золотистый.

Лютикъ золотистый,
 Грэза влажныхъ мѣсть,
 Лучъ, и шелкъ цвѣтистый,
 Свѣтлый сонъ невѣсть.

Пляска брызгъ огнистыхъ
 Въ пламени костровъ,
 Между красно-мглистыхъ
 Быстрыхъ огоньковъ.

Колосъ, отягченный
 Числами зерна,
 Вечерь позлащенный,
 Полная Луна.

11. прощально-золотистый.

Тихій шелестъ Сентября,
 И умильный свистъ синицы,
 Удатающія птицы,
 Пышный праздникъ интаря.

Праздникъ Солнца золотого,
 Углубленный небосклонъ,
 На лазури—желтый кленъ,
 Островъ моря голубого.

Всѣ отблѣки желтизны,
Роскошь яркихъ угасаний,
Трепетъ красочныхъ прошаний,
Трауръ Лѣта и Весны.

12. зеленый.

На странныхъ планетахъ, чье имя средь настъ неизвѣстно,
Глядѣть съ восхищеньемъ, въ небесный просторъ, су-
щества,
Ихъ манить звѣзды, чье явленье для нихъ—безблесно,
Звѣзды, на которой сквозь Небо мерцасть трава.

На алыхъ планетахъ, на бѣлыхъ, и ласково-синихъ,
Гдѣ свѣтить коралломъ, горятъ бирюзою поля,
Влюбленные смотрѣть на островъ въ небесныхъ пусты-
няхъ,
Въ ихъ синахъ изумрудно, тѣ сини навѣасть—Земля.

13. зеленый въ черный.

Подвижная сфера зрачковъ, въ изумрудѣ текучемъ сужаюсь,
Расширяясь, сливастъ, безмолвно, привлеченную душу съ
душой.
Въ глубокихъ зрачкахъ, искушеныл, во влагѣ зеленої
качаясь,
Какъ будто бы манить, внушаютъ: „Приблизься, ты мнѣ
не чужой“.

О, травянистый изумрудъ,
Глаза испанки свѣтлокудрой!
Какой художникъ иѣжно-мудрый,
Утонченникъ, сказался тутъ?
Гдѣ все такъ жарко, чернооко,

Гдѣ всюду черный цвѣтъ волосъ,—
Въ сіяныи бѣлокурыхъ грезъ,
Испанка-німфа, одиноко,
Порой возникнетъ—и на васъ
Струить огонь зеленыхъ глазъ.

Всего красивый черный цвѣтъ
Въ зрачкахъ зеленыхъ глазъ.
Гдѣ водный свѣтъ? Его ужъ нѣть.
Лишь черный есть алмазъ!
Зелено-блѣдная вода,
Русалочій затонъ,—
О, не одна здѣсь спить бѣда,
И чутокъ этотъ сонъ.
И каждый мигъ, и каждый часъ
Воздушный изумрудъ,
Воздушный цвѣтъ зеленыхъ глазъ
Поеть мечтъ: „И тутъ!“
Зрачки ростетъ, и жадный свѣтъ
Зоветъ, беретъ, свѣтись.
Гдѣ цѣлый міръ? Его ужъ нѣть,
Лишь черный есть алмазъ!

14. синій.

Пустынями зефирными, зефирными-сапфирными,
Скитается безчисленность различно-свѣтлыхъ звѣздъ.
Надъ этими пространствами, то бурными, то мирными,
Душою ощущается въ Эдемъ ведущій мостъ.

Зовется ли онъ Радугой, павѣкъ тысячечвѣтною,
Зовется ли иначе какъ, значенія въ томъ нѣть.
Но синій цвѣтъ—небесный цвѣтъ, и грезою отвѣтною
Просищему сознанію дастъ онъ рядъ примѣгъ.

Прямѣть лазурно-радостныхъ намъ въ будняхъ много свѣтится,

И пусть, какъ Море синее, дороги далеки,
 „Дойдешь“, тебѣ вѣщасть лень, тамъ въ Небѣ все отмѣтится,
 „Дойдешь“, твердять глаза дѣтей, и шепчутъ васильки.

15. нѣжно-лиловый.

Колокольчикъ на опушкѣ лѣса,
 Съ звонами, что винты слуху фей,
 Бархатисто-пышная завѣса,
 Возлѣ лиловатыхъ орхидей.

Въ лепетѣ романса—цвѣть спреи,
 Садъ мечты, и въ немъ ушавшій листъ,
 Въ красочномъ контрастѣ—цвѣть и тѣни,
 На рукѣ лизейной—аметистъ.

16. фиолетовый.

Миѣ снилось множество цвѣтовъ,
 Багряныхъ, алыхъ, золотистыхъ,
 Сафирно-синихъ лепестковъ,
 И сновъ, застывшихъ въ аметистахъ.

Но между всѣхъ цвѣточныхъ силъ,
 Я видѣлъ, въ призрачной картины,
 Что красный цвѣть випну застылъ,
 А цвѣть зеленый—посрединѣ.

Но выше—выше, въ синеву,
 Восходить множество фіалокъ,
 И въ сновидѣнїи нальву
 Я вижу бѣлыи храмъ Восталокъ.

Ихъ не встревожить зовъ иначѣ,
Имъ Ночь—молниѧ внушиаетъ,
И взоръ фіалковыхъ очей
Въ себѣ бездонность отражаетъ.

И быстро, быстро, быстро—я
Несусь мечтою къ иамъ, предѣльнымъ,
Въ лѣсной пустынѣ Бытія
Забвеніе шю фіаломъ цѣльнымъ.

17. ХРУСТАЛЬНО-СЕРЕБРИСТЫЙ.

Звуки лютни въ свѣтѣ лунномъ,
Словно сказка, неживые,
Въ сновидѣніи многострунномъ
Слезы флейты звуковыя.

Лики сонныхъ бѣлыхъ лилій
Въ озерной зеркальной влагѣ,
Призракъ ангеловъ, ихъ крылій,
Сонъ царевны въ лунной сагѣ.

18. ОПАЛОВО-ЗИМИЙ.

Легкій слой чуть выпавшаго снѣга,
Серпъ Луны въ лазури блѣдно-синей,
Сѣть вѣтвей, узорная ихъ иѣга,
Кружевомъ на всемъ—воздушный илої.

Духовъ серебристыхъ замокъ стройныи,
Сонмы фей въ сплетеньяхъ искуста,
Танецъ блестокъ, матово-спокойный,
Баль снѣжинокъ, вымышленность свѣта

19. ГОЛУБОВАТО-БЪЛЫЙ И КРАСНОВАТО-СЪРЫЙ.

Голубовато-бълый и красновато-сърый,
 Въ дворцѣ людскаго мозга два цвѣта-вещества.
 Безъ нихъ мы не имѣли бъ ни знанія, ни вѣры,
 Лишь съ ними область чувства и наша мысль живы.

Чрезъ нихъ намъ ярко свѣтятъ душевныи зениты,
 Напѣвность ощущеній слагается въ узоръ.
 Въ дворцѣ людскаго мозга играютъ скрипки, лиры,
 И чудо-панорама струитъ просвѣтъ во взоръ.

Во внутреннихъ чертогахъ сокровища безъ мѣры,
 Цвѣтуть, пылаютъ, чаруютъ—не день, не часъ, вѣка—
 Голубовато-бълый и красновато-сърый,
 Въ дворцѣ людскаго мозга два странные цвѣтка.

20. БЪЛЫЙ.

Нарцисъ, восторгъ самовзлюбленности,
 До боли сладостные сны,
 Любовь—до смерти, до безднѣности,
 Всевластность чистой Бѣлизны.

Нарцисъ, забвенье жизни, жалости,
 Желанье, страсть—до того,
 Что въ бѣломъ—въ бѣломъ!—вспышка алости,
 Забвенье лика своего.

Нарцисъ, туманъ самовнушенія,
 Любовь къ любви, вопросъ-ответъ,
 Загадка Жизни, отраженіе,
 Бѣничальныи саванъ, бѣлый цвѣтъ.

21. черныи.

Какъ ии странно это слышать, все же истинна вѣра:—
Свѣтъ противникъ, мракъ помощникъ проростанію зерна.

Подъ землею призракъ жизни долженъ выждать нужный
срокъ,
Чтобы колось золотистый изъ него родиться могъ.

Въ черной тьмѣ—біене жизни, зелень блѣдная, ростокъ,
Лишь за этимъ—стебель, колось, пышность зерень, желтый
сокъ.

Міровой цвѣтокъ, который названъ Солнцемъ межъ людей,
Утомясь, уходить въ горы, или въ глубь ночныхъ морей.

Но, побывши въ сонномъ мракѣ, въ чась разсвѣта, послѣ
грезъ,
Онъ горитъ пышнѣ, чѣмъ маки, ярче самыхъ пышныхъ
розъ.

Черный уголь—символъ жизни, а не смерти для меня:—
Былъ Огонь здесь, говорю я, будеть вновь напѣть Огня.

И не черный ли намъ уголь, чтобы украсить свѣтлый часъ,
Изъ себѣ произраждаетъ ярко-праздничный алмазъ.

Всѣ цвѣта въ одинъ согласны: входять всѣ они—въ цвѣты.
Черной тьмѣ—привѣтъ мой свѣтлый, въ Литургіи Красоты!

ЗАРЕВО МГНОВЕНІЙ.

Въ закатномъ заревѣ мгновеній, твоихъ или моихъ,
Я вижу, какъ сгораетъ геяй, какъ возникаетъ стихъ,
Въ закатномъ заревѣ мгновеній докучный шумъ затихъ.

Воспламененное Свѣтило ушло за грань морей,
И въ тучахъ краски доживаются всѣй роскошью своей,
Чего въ нихъ больше—аметистовъ, рубиновъ, лялтарей?

Къ чѣму свой взоръ случайно склониши, то дасть тебѣ
свѣть,
Въ одномъ увидаши пламя счастья, въ другомъ услышаши
„Нѣть”.
Но все, на что свой взглядъ урониши, восхвалить поздній
свѣть.

Прозрачность, нѣжность, и чрезмѣрность, все слето въ за-
бытии,
Въ послѣдній разъ мы ихъ коснемся въ предсмертномъ бытіи,
И мы поймемъ, что эти краски—твои или мои.

И мы поймемъ, какъ полнозвучно посты волна морей,
Когда дневное отшумѣло, и Ночь, во снѣ, бодрѣй,
И все почное, незамѣтно, идетъ скорѣй, скорѣй.

Вотъ, все воздушный аметисты, рубины, лялтари,
Все, что во вѣшнемъ—слѣ спышио, все ярко—что внутри,
Мгновеніе пышнаго Заката—послѣднее—гори!

ОГОНЬ.

Не устану тебя восхвалять,
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый,
На тебя расплываясь металлы,
Близъ тебя соадають и куютъ.
Будемъ какъ Солнце.

ОГОНЬ.

I.

Огнепоклонникомъ я прежде былъ когда-то,
Огнепоклонникомъ останусь я всегда.
Мое индійское мышленіе богато
Разнообразіемъ разсвѣта и заката,
Я между смертными—падучая звѣзда.

Средь человѣческихъ безсвѣтныхъ празднѣй,
Межъ этихъ будничныхъ безжизненныхъ тѣней,
Я вспышка яркая, блаженство изступленій,
Игрою красочной свѣтло вѣчаний гений,
Я праздникъ радости, рассвѣта, и огней.

Какъ обольстительна въ провалахъ тьмы комета!
Она пугасть мысль и радусть мечту.
На всемъ моемъ пути есть свѣтлая примѣта,
Мой взоръ—блестящій кругъ, за мною—вихри свѣта,
Изъ тьмы и пламени узоры я плету.

При разрѣшенности стихійного мечтанья,
Въ начальномъ Хаосѣ, еще не знавшемъ дна,
Не гномомъ роющимъ я былъ средь Мирозданья,
И не удиню морского трепетанья,
А саламандрою творящаго Огня.

Подъ Гималаями, чьи выси—въ блескахъ Рая,
Я поидалъ яркость думъ, среди долинной мглы,
Горѣла въ темнотѣ моя душа живая,
И людямъ я свѣтилъ, костры имъ зажигая,
И Агни свѣтлому слагалъ свои хвалы.

Съ тѣхъ поръ, какъ магъ однъ, прошли тысячелѣтія,
Смѣшились языки, содвинулись моря.
Но все еще на Свѣтѣ не въ силахъ не глядѣть я,
И знаю явствено, пройдутъ еще столѣтія,
Я буду все сиѣтить, сжигая и горя.

О, да, мнѣ нравится, что было такъ и ало
Горѣніе вѣчное земныхъ в горныхъ странъ.
Молиться Пламени сознанье не устало,
И для блестящаго мнѣ служать ритуала
Уста горячія, и Солнце, и вулканъ.

Какъ убѣдительна лучей ростущихъ чара,
Когда память Солнце вновь бросаетъ жаркій взглядъ,
Неисчерпаемость блестательного дара!
И въ красномъ заревѣ побѣднаго пожара
Какъ убѣдителенъ, въ оправѣ тьмы, закатъ!

И въ страшныхъ кратерахъ—молитвенные взрывы:
Качаюсь въ пропастяхъ, рождаются на днѣ
Колосья пламени, чудовищно-красны,
И вдругъ взметаются пылающія инви,
Устанъ скрывать свой блескъ въ могучей глубинѣ.

Бѣгутъ колосы ввысь изъ творческаго горна,
И шелестѣнья ихъ слагаются въ напѣнѣ,
И стебли жгучіе сплетаются узорно,
И съ свистомъ надаютъ шурпировыя зерна,
Для сна отдѣльности въ той слитности созрѣвъ.

Не то же ль творчество, не то же ли горїніе,
Не тѣ же ль ужасы, и та же красота
Кидаютъ любящихъ въ безумныя систенія,
И заставляютъ ихъ кричать отъ наслажденія,
И замыкаютъ имъ безмолвіемъ уста

Въ порывѣ бѣшенства въ себя принявши Вѣчность,
Въ блаженствѣ сладостномъ истомной слѣпоты,
Они вдругъ чувствуютъ, какъ дышеть Безконечность,
И въ ихъ сокрытостяхъ, сквозь ласковую млечность,
Молиеносные рождаются цветы.

Огнепоклонникомъ Судьба миѣ быть велѣла,
Мечтѣ молитвеннай ии въ чемъ преграды иѣть.
Еднимъ пламенемъ горять душа и тѣло,
Глядимъ въ бездонность мы въ узорностяхъ предѣла,
На вѣчный праздникъ сновъ зоветъ безбрежный Свѣтъ.

2.

Огонь въ своемъ рожденыи малъ,
Безформенъ, скуденъ, хромъ,
Но ты взгляни, когда онъ, азъ,
Красивымъ исполиномъ всталъ,
Когда онъ сталъ Огнемъ!

Огонь обманчивъ, словно духъ:—
Тотъ можетъ встать какъ тѣнь,
Но вдругъ заполнить взоръ и слухъ,
И почь измѣнить иль день.
Вотъ, бытъ въ углу онъ, на полу,
Кривился, дымно-сѣръ,
Но вдругъ блестящей едѣлазъ мглѣ,
Удвоилъ свой размѣръ.
Размѣръ мѣня, онъянилъ
Всѣ числа, иль сонъ ихъ слившъ,
И въ блескѣ смѣха, полонъ силъ,
Внезапно сталъ красивъ.
Ты слышишь? слышишь? Онъ поеть,
Онъ славить Красоту,
Вотъ—вотъ, до Неба достаетъ,
И вьется налету!

3.

Я закрываю глаза, и въ мечтаніи
 Вижу повсюду сияющій Свѣтъ,
 Вижу Огонь я во всемъ Мірозданіи,
 Въ травкахъ, въ росинкахъ, въ спиральяхъ планетъ.

Вижу я Землю—сестрой межъ планетами,
 Землю опять ощущаю Землей,
 Горы, долины, сады съ ихъ расцвѣтами,
 Цѣнныя камни съ подземною мглой.

Мѣдное небо, отяжелѣлое,
 Грозно нависло надъ знойной пустыней,
 Въ немъ Электричество бѣлое,
 Съ роскошью желтыхъ изломанныхъ линій,
 Желтыхъ, и красныхъ, лазурно-зеленыхъ,
 Въ безднахъ зориостей синихъ,
 Тучи какъ горы, тамъ замки на склонахъ,
 Кони изъ пламени въ высшихъ пустыняхъ.

Снова я въ Нидіи. Да, но не въ той,
 Гдѣ побывалъ соглядатай инчтожный,—
 Въ Нидіи древней, ить отчизнѣ святой,
 Данный для всѣхъ, опынившихъ мечтої,
 Въ цѣльной, наѣкъ непреложной.

И межъ сѣтловинихъ, межъ дважды-рожденныхъ,
 Открыши на мигъ въ Запрѣдѣльное дверь,
 При свѣтѣ огней, благовонио-зажженыхъ,
 Я слушаю Бурю теперь.

4.

Рудра, красный вепрь Небесъ,
 Ниспосылатель алыхъ жгутовъ,
 Отецъ стремительныхъ Марутовъ,
 Въ вихрѣ огненныхъ завѣсь,
 Гений Бури,
 Врагъ Лазури,
 Пробѣжалъ и вдругъ исчезъ.

Гдѣ онъ почву Неба роетъ?
 Образъ пламенныхъ чудесъ,
 Вонъ, онъ тамъ рычатъ и воетъ.
 Между облачныхъ зыбей
 Тучи молитвъ своей
 Безпокоятъ.

Рудра шлетъ блестящесть водъ,
 Льетъ ихъ токомъ плодородныемъ,
 Но, порвавши небосводъ,
 Вдругъ пожаръ въ домахъ зажжетъ,
 Быть онъ добрымъ устаетъ,
 Хочеть быть свободнымъ.

Рудра-Сива, Смерть-Любовь,
 Губить Жизнь, и любить вновь,
 Равнодушенъ къ звукамъ стона,
 Венри краснаго клики
 Ранять тѣло, рвать въ куски,
 Но въ трапѣ у склони,
 Гдѣ убитъ былъ Адонисъ,
 Ленестки цѣтовъ зажглись,
 Дышать анемона.

Рудра-Сива, Смерть-Любовь,
 Смерть-Бессмертье, Пламя-Кровь,
 Радуга надъ Моремъ,
 Змѣи молній, токъ дождей,
 Вѣчность зыблая страстей,
 Здѣсь мы Грому вторимъ!

5.

Огонь приходить съ высоты,
 Изъ темныхъ тучъ, достигшихъ грани
 Своей ростущей темноты,
 И порождающей черты
 Молшеноносныхъ содроганий.
 Огонь приходить съ высоты,
 И, если онъ въ землѣ танится,
 Онъ лавой вырваться стремится,
 Изъ подземельной тѣсноты,
 Когда же съ высоты лучомъ струится,
 Онъ въ хороводъ зоветъ цветы.

Вонъ лотосъ, любимецъ стихіи тройной,
 На свѣтъ и на воздухъ, надъ зыблой волной,
 Поднялся, покинувши иль.,
 Онъ Рай обѣщаетъ намъ съ вѣчной Весной,
 И съ блескомъ побѣдныхъ Свѣтиль.

Вотъ пышная роза, Персидскій цвѣтокъ,
 Душистая греза Ирана,
 Предъ розой исполненъ влюбленныхъ я строкъ,
 Волнустъ уста лепестковъ вѣтерокъ,
 И сердце отъ радости пылино.

Вонъ чампакъ, цвѣтушій въ столѣтіе разъ,
Но грезу лелѣющій—вѣкъ,
Онъ тоже оттуда примѣта для насъ,
Куда убѣгаютъ, въ волненіи свѣтясь,
Всѣ воды намъ вѣдомыхъ рѣкъ.

Но что это? Дрогнувъ, мѣняются чары,
Какъ будто бы смѣхъ Соблазнителя-Мары,
Сорвавшись къ долинамъ съ вершинъ,
Миѣ шепчетъ, что жадны, какъ звѣри, растенья,
И сдавленность воцѣлѣ я слышу сквозь пѣнье,
И если мечтѣ драгоцѣнны каменны,
Кровавы гвоздики и страшенъ рубинъ.

Миѣ страшенъ угаръ ароматовъ и блесковъ расцвѣта,
Все смѣшалось во миѣ,
Я горю какъ въ Огнѣ,
Душное Лѣто,
Цвѣточный кошмаръ овладѣлъ распаленной мечтой,
Синie пляшутъ огни, пляшетъ Огонь золотой,
Страшило стали миѣ даже трава,
Вижу, какъ изъ маревъ, стебли измѣнѣ,
Пляшутъ и мысли кругомъ и слова.
Мысли—мои? Или, можетъ, чужія?

Закатное Небо. Костры отдѣленные.
Гвоздики, и маки, въ своихъ сповидѣньяхъ безсонные.
Волчицы подъ Луной, привидѣнья они,
Обманнены бродятъ огни
Пустырями унылыми.
Георгины тупые, съ цвѣтами застылыми,
Точно ихъ создала не Природа живая,
А измыслила въ безжизненный мигъ человѣкъ.
Одуванчиковъ стала сѣдая.
Миллионы раздавленныхъ красныхъ цвѣтовъ,
Клокотанье кроваво-окрашенныхъ рѣкъ.

Гисть Пустыни наль въжженою шарью песковъ.
 Кантусы, цѣпкіе, хищные, сочные,
 Странно-яркіе, тяжкіе, жаркіе,
 Не по-цвѣточному прочные,
 Что-то паучье есть въ кактусѣ аломъ,
 Мысль онъ пугасть, хоть манить онъ взглядъ,
 Этотъ ликующій цвѣтъ,
 Смотриши—растеніе, а можетъ быть—нѣть,
 Алою кровью напившійся гадъ?

И много, и много отвратностей разныхъ,
 Красивыхъ цвѣтовъ, и цвѣтовъ безобразныхъ,
 Нахлынули, тянутся, въ мысляхъ—прибой,
 Рожденный самою Судьбой.

Болиголовъ, наркозъ, съ противнымъ духомъ,—
 Ворошковидный вѣничекъ блѣны,
 Затерто-желтый, съ сѣтью синихъ жилокъ,—
 Съ отгѣникомъ буро-краснымъ заразихъ,
 Съ покатой шлемовидною губой,—
 Подобный пауку, офрѣсь, съ губою
 Широкой, желто-бурою, и красной,—
 Колючее созданіе, татарникъ,
 Какъ бы въ бронѣ крылатодобныхъ листьевъ,
 Зубчатыхъ, паутинисто-шерстистыхъ,—
 Дурманъ воючій,—мертвенный морозникъ,—
 Цѣѣты отравы, хищности, и тѣмы,—
 Мыльнянка, съ корневищемъ ядовитымъ,
 Излюбленная края дороги, опушки
 Лесные и рѣчные берега,
 Мѣста, что въ самой сущности предѣльны,
 Цвѣтокъ любимый бабочекъ ночныхъ,—
 Воромъ глазъ, съ приманкою изъ ягодъ
 Отливно-цвѣтныхъ, синевато-черныхъ,—
 Пятнадцатилучистый сложный зонтикъ
 Изъ ядовитыхъ блѣнющихъ цвѣтковъ,

Зовущихся — такъ памятно — цикутой, —
 И запкия исчадія Земли,
 Ужасныя растенія-полузѣри, —
 Въ лѣнивыхъ водахъ, медленно-текущихъ,
 Въ затонахъ, гдѣ стоячая вода,
 Всѧ полная сосудцевъ, пузырчатка,
 Капканъ для водной мелочи животной,
 Иредъ жертвой открываетъ тонкій клапанъ,
 Замкнеть его въ тюремномъ пузырькѣ,
 И уморить, и лакомится гипалю, —
 Рослика ждетъ, какъ воръ, своей добычи,
 Орудіемъ уродливыхъ желѣзокъ
 И красныхъ волосковъ, такъ липко-клейкихъ,
 Улавливать мухъ, ихъ убиваетъ,
 Удавливаетъ медленнымъ сжинаніемъ —
 О, крабъ-цвѣтокъ! — и соѣ въз нихъ сосеть,
 Болотная причудливость, растеніе,
 Которое цвѣткомъ не хочетъ быть,
 И хотѣть гроздъ расцвѣтовъ бѣлыхъ,
 На гада больше хочетъ походить.
 Еще, еще, кошматыя, сѣмыя,
 Мохнатыя, жестокія видѣнья,
 Измѣщенные дьявольской мечтой,
 Чтобъ сердце въ достоиѣнїиѣшемъ, въ послѣднемъ
 Убѣжищѣ, среди цвѣтовъ и листьевъ,
 Убить.

Кошмаръ! уходя, я рожденъ, чтобъ ласкать и любить!
 Для чаръ безпредѣльныхъ раскрыта душа,
 И все, что живеть, расцвѣтая, спѣша,
 Привѣтствуя, каждому — хочется быть,
 Кѣмъ хочешь, тѣмъ будешь, будь вольнымъ, собой,
 Ты черный? будь чернымъ, мой цвѣтъ — голубой,
 Мой цвѣтъ будетъ бѣлымъ на вышинахъ горахъ,
 Въ вертепахъ я весель, я страшенъ впопъмахъ,
 Все, все я приемлю, чтобъ сдѣлаться Всѣмъ,

Я слыть былъ — я вижу, я глухъ былъ и нѣмъ,
 Но какъ говорю я — вы знаете, люди,
 А что я услышаль, застывші въ безжалостномъ Чудѣ,
 Скажу, но не все, не теперь,
 Нѣтъ словъ, нѣтъ размѣровъ, ни зваковъ,
 Чтобъ таинство блесковъ и мраковъ
 Явить въ полнотѣ, только мигъ — и закроется дверь,
 Песчинокъ блестящихъ я нѣсколько брошу,
 Желаніенъ мнѣ звакъ Человѣка, и боги, растенье, и птица,
 и звѣрь,
 Но свѣтлую пошу,
 Что въ сердцѣ храню,
 Я долженъ пока сохранять, я поклялся, я клялся — Отцу.

6.

Бури промчалась,
 Конченъ кошмаръ.
 Солице есть вѣчный пожаръ,
 Въ сердцѣ горячая радость осталась.

Ждите. Я жду.
 Если хотите,
 Темными будьте, живите въ бреду,
 Только не лгите,
 Самъ я въ вертепы васъ всѣхъ поведу.

Если хотите,
 Мысли силетайте въ лучистыя нити,
 Свѣтлая ткань хороша, хороша,
 Только не лгите,
 Къ Солицу идите, коль Солица волстину хотеть душа.

Все совершится,
 Кругъ незѣбѣженъ,

Люди, я и ъженъ,
Сладко забыться.
Пытки я вѣдалъ. О, ждите. Я жду.
Рѣчь отъ Огия я и Духа веду!

7.

Лучи и кровь, цвѣты и краски,
И искры въ плясѣ вкругъ костровъ—
Слова одной и той же сказки
Разсвѣтовъ, подней, вечеровъ.

Я съ вами былъ, я съ вами буду,
О, многоликисти Огия,
Я умъ зажегъ, отдался Чуду,
Возможно счастье для меня.

Въ темницѣ кузницѣ неустанныхъ,
Гдѣ горицъ, и молотъ, жаръ, и чадъ,
Слова напѣвовъ звѣздотканыхъ
Неумолкаемо звучать.

Съ Огнемъ неразлучны дымы,
Но горящеій блескъ углей
Поеть, что свѣты Серафимы
Надъ тѣсной зѣнистью моей.

Есть Духи Пламени въ Незримомъ,
Какъ здѣсь цвѣты есть изъ Огия,
И пусть я самъ развѣюсь дымомъ,
Но пусть Огонь войдетъ въ меня.

Горѣть хотя одно мгновеніе,
Свѣтить хоть краткій часъ звѣздой—

Въ томъ радость вѣрнаго забвенья,
Въ томъ праздникъ ярко-молодой.

И если въ Небѣ Солнце властво,
И светлы звѣзды пути,
Все жь искра малая прекрасна,
И можетъ алый цвѣтъ цвѣсти.

Гори, вулканъ, и лейся, лава,
Сияйте, звѣзды, въ вышинѣ,
Но пусть и здесь—да будетъ слава
Тому, кто сжегъ себя въ Огнѣ!

ВОДА.

Влажная пропасть сольется
Съ бледной зефирныхъ высотъ.
Таинство—Небомъ дается,
Сияніе — зеркальностью водъ.
Только Любовь.

ВОДА.

1.

Вода, стихія сладострастія,
 Вода, зеркальность нашихъ думъ,
 Бездонность сновъ, безбрежность счастія,
 Часовъ бѣгущихъ легкій шумъ.

То недвижимо-безлагольная,
 То съ неудержною волной,
 Но вѣчно легкая и вольная,
 И вѣчно дружная съ Луной.

И съ Солнцемъ творческимъ сліянная,
 То—гуль, то—плескъ, то—блески струй.
 Стихія страстила и странная,
 Твой голосъ—влажный поцѣлуй.

2.

Отъ капли росы, что трепещетъ, играя,
 Огнемъ драгоценныхъ камней,
 До блѣдныхъ просторовъ, гдѣ, вдали убѣгая,
 Вѣничается пѣною влага морская
 На глади бездонныхъ морей,
 Ты всюду, всегда, неизмѣнно живая,
 И то изумрудная, то голубая,
 То полная красныхъ и желтыхъ лучей,
 Оранжевыхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ и синихъ,
 И тѣхъ, что рождается только въ пустыняхъ,
 Въ волнении и пѣни безмѣрныхъ зыбей,
 Оттѣнокъ, что видны лишь избраннымъ взорамъ,

Дрожаний, сверканий, мельканий, которымъ
Нельзя подыскать отражающихъ словъ,
Хоть въ словѣ бездонность отгѣнковъ блестаетъ,
Хоть въ словѣ красивомъ всегда расцвѣтаетъ
Весна многоцвѣтныхъ цвѣтовъ.

Вода безконечные лвки вмѣщаетъ
Въ безмѣрию своей глубины,
Мечтанье на зыблыхъ различныхъ качаетъ,
Молчаньемъ и пѣньемъ душѣ отвѣчаетъ,
Уводитъ сознаніе въ сны.
Богатыми были, богаты и иныѣ
Просторы лазурно-зеленої Пустыни,
Рождающей міръ островной.
И Море—все Море, но въ вольномъ просторѣ
Различно оно въ человѣческомъ взорѣ
Качается грезой-волной.

Въ различныхъ скитаныхъ,
Въ иныхъ сочетаныхъ,
Я слышалъ сказанія бурь,
И знаю, есть разность въ мечтаныхъ.

Я видѣлъ Индійское море, лазурь,
Въ немъ волны голубые извины,
И Красное море, гдѣ ласконъ кораль,
Гдѣ розовой краскию зыбится валъ,
И Желтое, водяныя иныѣ,
Зеленое море, Переційский заливъ,
И Черное море, гдѣ буенъ приливъ,
И Бѣлое, припракъ красивый.
И всюду я думалъ, что всюду, всегда,
Различно-прекрасна Вода.

3.

Безмолвно она подъ землею танцится,
 Ей Солнце и Небо, тамъ въ сумракѣ, снится,
 И нѣжная къ Солнцу сумѣть прорыться,
 Пещеры сплотить въ города.
 Застынетъ, и дремлетъ, надъ горной вершиной,
 И дрогнетъ, услышавши возгласъ звѣриный,
 Отъ крика проснется, сорвется лавиной,
 И вихрь несетъ Бѣда.
 Беззвучна въ колодцахъ, въ прозрачныхъ озерахъ,
 Безгласна во влажныхъ ласкающихъ взорахъ,
 Но въ сиѣжныхъ узорахъ танцится въ ней шорохъ
 И звонкое вскрытие льда.

Превратившись въ сиѣга, заключившись въ усаду молчанья,
 Разстилаясь застывшей студеной измой пеленою,
 Отъ зеленої Луны принимая въ сиѣжинки мерданья,
 Въ первозданность Вода возвращается теплой весной.

И играетъ волной,
 И бѣжать, и поеть.
 И горитъ бѣлезнай
 Уильвящій ледъ.
 И восстаніемъ водъ
 Затопляетъ луга.
 Все побѣдно возьмесь,
 Всѣ зальсть берега.

Какъ раздольна игра
 Водопольной волны.
 Но шепнули „Пора!“
 Уходящіе сны.

И рѣчной глубины
Установленъ размѣръ.
Всѣ цветы зажжены,
Шышепъ праздникъ Весны,
Въ исмъ лучи сплетены
Отдаленнѣйшихъ сферъ.

Все принялъ свой вѣчный видъ,
Ликъ озера зеркально спить,
Безгласно дремлетъ гладь затоны.
О безконечности усадъ
Поеть бессмертный водопадъ,
Ключи бѣгутъ по скатамъ склона.

И рѣкъ причудливый узоръ
Лелѣйной сказкой иѣжитъ взоръ,
Ихъ видъ спокоенъ и беззвукенъ,
И тотъ узоръ свѣтло сплетенъ,
Въ серебряшій, въ хрустальный сонъ,
Среди уклончивыхъ излучинъ.

И безъ конца поютъ ручни,
И иѣжатъ душу въ забытьи
Воздушно-сладкою тоскою.
Какъ разность ярко здѣсь видна,
Какъ ясно, что Вода—одна:
Ручей различно-схожъ съ рѣкою.
И намъ преданья говорятъ:
Ручей съ рѣкой—сестра и братъ.

Ручей ласкаетъ слухъ, влечетъ насъ въ отдаленье,
Ручей журчитъ, звучитъ, баюкаетъ, поеть.
Рѣка ласкать глазъ, даетъ успокойнѣе
Движеніемъ медленнымъ безмолвствующихъ водъ.

Ручей, какъ чаровникъ, дремотно шепчетъ, манить,
Ручей гадаетъ намъ, и вкрадчиво зоветъ.

Рѣка наша зыбкій духъ яснить, а не туманить
Успокоятельный теченіемъ свѣтлыхъ водъ.

Ручей намъ говорить: „Люби! Люби! Люби же!”
Но въ немъ не отраженъ глубокій небосводъ.
Кто въ рѣку заглянуль, тотъ Небо видитъ ближе,
Лазури хочется безмолвствующихъ водъ.

4.

По персѣнной Вода
Быть хочетъ разюю всегда,
Восторгъ рождастъ полногласный.
Къ преображенія бѣжитъ,
Мѣняясь видъ, и жить спѣшитъ,
Не уставая быть прекрасной.

Вонь бѣлется гейзеръ голубой,
Весь очарованный собой,
Съ водою бѣшено-кипящей.
Какъ ослѣнительно-свѣтла
Она выходятъ изъ жерла,
Кругомъ бросая паръ свистящій.

Столбами пляшетъ влажный прахъ,
Несчетность радугъ въ тѣхъ столбахъ,
Наденіе дождей алмазныхъ.
Сліянье свѣтовъ и тѣней,
Переплетеніе огней,
Всегда однихъ и иѣчно разныхъ.

Тамъ дальше море-Океанъ,
Ненизѣримъ и неогляденъ,

На дѣй утесы, пасти виадинъ,
Подводныхъ силъ военный станъ.

Проходить быстрыя акулы,
Домамъ подобные киты,
Въ прорывахъ влажной темноты
Сpirальныe рождаются гулы.

Въ круговращеніи своемъ
Чудовищной змѣи подобной,
Гудить и плещеть сѣчкой дробной,
Воронка адская, Мальстрѣмъ.

Совѣтъ другого Океана
Другія области встаютъ,
Существо невидимыхъ пріютъ,
Затишье въ кругѣ урагана.

Кораллы межъ морскихъ валовъ,
Водой рожденныя картины,
Червеобразныя плотины
Кольцеобразныхъ острововъ.

Людскихъ строеній первотины
Оазисы пустынь морскихъ,
Не люди создавали ихъ,
А кругодумные полипы.

Имъ свѣта хочется—и вотъ
Ростуть узорныя салетеныя,
Осуществляются хотѣнья,
Оазисъ круговой живѣть.

Изъ влаги возстаютъ кораллы,
И волны бѣшено кругомъ
Несутся въ строѣ боевомъ,
Какъ искони въ предѣль Валгаллы.

О, да, я знаю, что всегда,
Полна беамърныхъ чаръ Вода,
Но понялъ это я не сразу.
Все въ мірѣ нужно различать,
На всемъ лежать своя печать,
И аметистъ — не братъ алмазу.

5.

Я помню, въ далекіе дѣтскіе дни
Привидѣлся странный мнѣ сонъ.
Мнѣ снилось, что бѣлые въ Небѣ огни,
И они нашъ садъ озаренъ.

Сверкаютъ далеко холодные льды,
Струится безжизненный свѣтъ,
Звѣзды отражаетъ сіянье звѣзды,
Силетаются гроздья планетъ.

Силетаются тысячи крупныхъ планетъ,
Блестить, возрастаютъ, ростуть.
Но въ этомъ сіянны мнѣ радости нѣть.
Цвѣты предо мной не цвѣтуть.

Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ лепестка,—
Иначе зажжется ли взглядъ.
Но нѣть предо мною въ саду ни цвѣтка,
Весь — бѣлый безжизненный садъ.

И стала я тихонько молиться въ бреду.
И звѣзды дрожали въ отвѣтъ.
И что-то какъ будто мѣнилось во льду,
И таяли гроздья планетъ.

И, въ свѣтлой по новому, въ той полуумглѣ
Возникли потоки дождя.

Они прикоснулись къ далекой Землѣ,
Съ высокаго Неба идя.

Поль-міра окуталъ блестающій мостъ,
Въ немъ разные были цвѣта.
Въ немъ не было блѣдности мертвенныхъ звѣздъ,
Живая была красота.

О, чудо! О, радость! Вблизи, предо мной,
Вдругъ ожила мой сказочный садъ.
Цвѣты расцвѣтали живой пеленой,
Быть свѣтль младенческій взглядъ.

Раздвинулись полосы ровныхъ аллей,
Свѣтло запградъ изумрудъ.
Подъ частою чащей зеленихъ вѣтвей
Цвѣты голубые цвѣтутъ.

Багряныхъ, и алыхъ, и желтыхъ цвѣтовъ
Росла золотая семья.
Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ лещестковъ,
И это такъ чувствовалъ я.

И въ ландышахъ бѣлыхъ, отъ капель дождя,
Иначе зажглась бѣлизна.
И дождь прекратился. И, съ Неба идя,
Струилась лишь музыка сна.

Мы видимъ въ младенчествѣ вѣщіе сны.
Такъ близки мы къ Небу тогда.
И этого сна, и цвѣтовъ пелены,
Не могъ я забыть никогда.

Съ звѣздою, блестаю, сплеталась звѣзда,
Тлилась звѣзда до звѣзды.
И помню, я понялъ впервые тогда
Знайдительность свѣтлой Волы.

6.

Но минули дѣтскіе годы,
Иного хотѣла мечта.
Хоть все же я въ царствѣ Пріроды
Любить и цветы и цвета.

Блаженно, всегда въ повсюду,
Миѣ чудились рокоты струнъ.
Я шелъ къ неизвѣстному чуду,
Мечтателенъ, иѣженъ, и юнъ.

И ночью плѣнительной Мая,
Да, въ первую четверть Луны,
Миѣ что-то сверкнуло, мелькал,
И вновь я увѣровалъ въ сны.

Я помню баюканья бала,
Весь ожилъ старинный нашъ домъ.
И музыка сладко звучала
Въ мечтающемъ сердцѣ моемъ.

Улыбки, мельканья, узоры,
Желанныя сердцу черты.
Мгновенно-сліянные взоры,
Цвѣты въ мечты Красоты.

Все было вотъ здѣсь, въ настоящемъ,
Въ волнѣ наростающихъ силъ.
Съ желанію, въ залѣ блестящемъ,
И въ вальсѣ старинномъ скользилъ.

чудилось мнѣ, что столѣтій
Надъ нами качался полетъ.
Но мы проносились, какъ дѣти,
И поль озарялся, какъ ледъ.

И близкое тѣло скользило,
Либжно обѣйтѣ длю.
„Ты любишь?“ душа говорила.
Глаза говорили: „Люблю“.

Другъ другу сказали мы взоромъ,
Что тотчась мы спустимся въ садъ.
И связали тѣмъ договоромъ,
Скользили, какъ тѣни скользятъ.

Либъ ибсколько быстрыхъ мгновеній,
И мы отошли отъ огней,
Мы въ сумракъ цвѣтушихъ сиреней
Съ знакомыхъ сошли ступеней.

И стройная музыка бала,
И вальса стариннаго звонъ,
Какъ дальняя сказка звучала.
И душу качала, какъ сонъ.

Но ближе другое вліяніе
Слагало свой властныи напѣвъ.
Всѣ думы сожгло ожданье,
И сердце блеснуло сторѣвъ.

Въ саду, въ томъ старинномъ, пустынномъ,
Гдѣ праздникъ цвѣтковъ быль мнѣ занѣ,
Подъ свѣтомъ плавѣть паутинныи
Журчадъ неумолчно фонтанъ.

О, какъ быль узывчинъ тотъ сонный
И вѣчно живой водоемъ,
Онъ полонъ быль мысли бездонной
Въ журчаныи безсмертномъ своемъ.

Изъ раковинъ звонкихъ сбѣгал,
И влагу въ лобзаньяхъ дробя,
Вода трепетала, сверкая,
Онъ двался въ себя—изъ себя.

И снова, какъ въ дѣствѣ, свѣтили
Созвѣздья съ иѣмой высоты.
И въ сладостно-дышишій свѣтѣ
Цвѣли многоцвѣтно цвѣты.

По пряности ихъ аромата
Сказали намъ, съ пѣніемъ водь,
Что къ прошлому нѣть намъ возврата,
Что новое новымъ живеть.

И пѣли такъ сладко свирѣльи
Въ себя убѣгающихъ струй,
Что мы колебаться не смѣли,
И влажный возникъ подѣлуй.

И радостныхъ звѣздъ чарованье
Свѣтилось такъ странно въ тотъ часъ,
Что влажное это сліпнѣе
Навѣкъ нересооздало насъ.

Я видѣлъ такъ ясно узоры,
Сплетенья, гарланы плазеть.
И чѣн-то бессмертные взоры
Хранилъ немеркнувшій свѣтъ.

Лелѣя цвѣты міровые,
Межъ звѣздъ проходила Весна.
Въ той ночи прозрачной, впервые,
Я понялъ, какъ Влага иѣжна.

7.

Боль, какъ бы ни прашла, приходить слишкомъ рано.
 Прошли, въ теченыи лѣтъ, еще, еще года.
 На шепчущемъ пескѣ ночного Океана
 Я въ полночь былъ одинъ, и пѣнилась Вода.

Вставалъ и упадалъ прибой живой пустыни,
 Рождала отклики на сушѣ глубина.
 Былъ тотъ же Океанъ, отъ вѣка и донышъ,
 Но я не зналъ, о чёмъ поеть его волна.

Въ моемъ сознаніи пыла волны пѣли,
 Припомнанія всего, что видѣть я.
 И чудилась мнѣ мать у лѣтской колыбели,
 И чудился мнѣ гробъ, любовь, и смерть мои.

Въ предѣльность точную замкнутыя стремленья,
 Наденіе, высота, разорванный узоръ.
 Все тѣхъ же вѣчныхъ спѣвъ все новыи сдѣланья,
 Моей души ночной качанье и просторъ.

Но за разорваний и многоцвѣтной тканью
 Я чувствовалъ мою—иль не мою—мечту.
 Въ концѣ концовъ и ради, всему, я ради страданью,
 Я нити яркія въ живой узоръ плету.

Но мнѣ хотѣлось знать все содержанье смысла.
 Куда же я иду? Куда мы все идемъ?
 Скажите, звѣзды, мнѣ, вы, замыслы и числа,
 Вы, волны вѣчныя, чьихъ влажныхъ ласкъ мы ждемъ!

На Небѣ облака, иѣжѣтѣ мечтаний лѣтомъ,
 Въ холодной ясности ночного Сентября,
 Дышали призрачнымъ неуловимымъ свѣтомъ,
 Какъ бы сознаніемъ прошедшаго гори.

Отъ водъ вставала мгла волнистаго тумана,
И долго я смотрѣлъ на синий Небосклонъ.
И вотъ въ мои зрачки—отъ зыбей Океана
И отъ высотъ Небесъ—вошелъ безсмертный сонъ.

Такъ глубока Вода, подъ Небомъ безъ предѣла,
Такая тайна въ двухъ живетъ, всегда дыша,
Что можетъ утонуть въ ихъ снахъ не только тѣло,
Но и глубокая всезрящая душа.

Изъ легкой водной мглы и изъ сіяній звѣздныхъ,
Изъ иѣжно-зыбкаго воздушнаго руна,
Межъ двухъ бездонностей, и въ двухъ зеркальныхъ безднахъ,
Возникла призрачно блаженная страна.

Миръ, гдѣ ни муки, ни тьмы, ни страха, ни обиды,
Гдѣ всѣ, пестя узоръ, въ узорность сплетены.
Какъ будто города погибшей Атлантиды,
Преображенныe, возстали съ глубины.

Домовъ прекраснѣйшихъ возникли миріады,
Среди невиданныхъ фонтановъ и садовъ.
Я зналъ, что въ тѣхъ стѣнахъ всегда лучисты взгляды,
И могутъ все сказать глаза живыхъ—безъ словъ.

Здѣсь каждый новый денъ былъ сказкой, какъ вчерашній,
Созданий мысленныхъ, дрожа, росли лѣса.
Здѣсь каждый стройный домъ кончался легкой башней,
И все, что на землѣ, всходило въ Небеса.

Весь блѣдныи, Океанъ сліялся съ Небосклономъ,
Нѣть нежеланнаго, ни въ чемъ, ни гдѣ-нибудь.
Весь Миръ наполнился однимъ воздушнымъ звономъ,
Вселенная была—единый Млечный путь.

И этихъ блѣдныхъ звѣздъ мерцающія рѣки
Сказали молча мнѣ, какой удѣль намъ данъ.
И въ тотъ полночный часъ я стать винамъ навѣки,
И понять я, о чёмъ поэгъ намъ Океанъ.

ВОЗДУХЪ.

Всюду звонъ, всюду свѣтъ,
Всюду сонъ міровой.

Будемъ какъ Солнце.
И, вѣчно вольный, забвеньемъ вѣ.
Тишина.

ВОЗДУХЪ.

1.

Вѣтеръ вѣюЩій донесъ
Веший духъ вѣтвей.
Кто споетъ о сказкѣ грезъ?
Дразнить соловей.

Сказка солнечныхъ лучей,
Свадьба всѣхъ цветовъ.
Кто споетъ о ней звончай,
Чѣмъ художникъ словъ!

Многокрасочность цветовъ,
Радуга мечты.
Легкость бѣлыхъ облаковъ,
Тонкія черты.

Въ это царство Красоты,
Сердце, какъ вступить?
Какъ! Еще не знаешьъ ты?
Путь одинъ:—Любить!

2.

Полюби, сказала Фея
Въ утро майское мечтѣ.
Полюби, шепнуль, слабья,
Легкій Вѣтеръ въ высотѣ.

И отъ яблони цвѣтущей
Нѣжно-блѣлый лепестокъ
Колыхнулся къ мысли ждущей,
И мелькнула ей какъ намекъ.

Все кругомъ какъ будто пѣло:—
Утро дней не загуби,
Полюби душою тѣло,
Тѣломъ душу полюби,

Тѣло, душу, духъ свободный
Сочетай въ свой свѣтлый Май.
Обликъ лиліи надводной
Сердцемъ чуткимъ понимай.

Будь какъ лотосъ: корни—спизу,
Въ вязкомъ илѣ, въ тымѣ, въ водѣ,
Но, взойди, надѣль онь ризу,
Уподобился зѣздѣ.

Вотъ, цвѣтеть, раскрылся, нѣжныи,
Ласку Солнца жадно пыть,
Видитъ Небо, миръ безбрежныи,
Воздухъ вокругъ него поетъ.

Сиу цвѣтчія послушныи,
Лотосъ съ Воздухомъ слился.
Полюби мечтой воздушной,
Близки сердцу Небеса.

3.

Воздухъ и Свѣтъ создаютъ панорамы,
Замки изъ тучъ, минареты, и храмы,
Роскошь невиданныхъ иами столицъ,
Взоры мгновенiemъ созданныхъ лицъ.

Все, что непрочно, что зыбко, мгновенно,
 Что красотою своей незабвенно,
 Слово безъ слова, признанія глазъ
 Чарами Воздуха вложены въ насть.

Чарами Воздуха буйствуютъ громы
 Послѣ удушливо-знойной истомы,
 Радуга свой воздвигаетъ дворецъ,
 Арка завѣта и сказка сердцеъ.

Воздухъ прекрасенъ какъ гулъ урагана,
 Рокотъ небесно-весеннаго стана,
 Воздухъ прекрасенъ въ шуршаны листка,
 Въ риби чуть видимой струй ручейка.

4.

Въ серебристыхъ пузырькахъ
 Онъ скрывается въ рѣкахъ,
 Тамъ, на днѣ,
 Въ глубинѣ,
 Подъ водою въ тростникахъ.

Ихъ лягушка колыхнетъ,
 Или окунь промелькнетъ,
 Глазъ да глазъ,
 Тутъ сейчасъ
 Наступаетъ ихъ чередъ.

Пузырька изъ серебра
 Вдругъ поймуть, что—ихъ пора,
 Буль—буль—буль,
 Каждый—нуль,
 Но на мигъ живетъ игра.

5.

А вѣять, млѣять, и лалѣять
Едва расцвѣтшие цвѣтки,
Въ пространствѣ свѣтломъ нѣжно сѣять
Ихъ пыль, ихъ страсть, и лепестки.

И сонно, близко отдаленно
Струйой чутъ слышно звенѣть,
Ножеть мгновеніе влюблению,
И незамѣтио умереть.

Отдѣлить чутъ замѣтную прядь
Въ золотистомъ богатствѣ волосъ,
И играть ей, ласкать, и играть,
Чтобы Солнце въ ией ярко зажглось,—
Чтобъ глаза, не узнавши о томъ,
Засвѣтились, расширивъ зрачокъ,
Потому что плѣнительнымъ сномъ
Овѣасть мечту вѣтерокъ,—
И, внезапно усиливъ себя,
Пронестись и примчать ароматъ,
Чтобы дрогнуло сердце, любя,
И зажегся влюбленностю взглядъ,—
Чтобы ту золотистую прядь
Кто-то радостный вдругъ увидаль,
И скорѣе бы стать цѣловать,
И душою бы весь трепетать.

6.

Воздухъ, Вѣтеръ, я ликую,
Я свершаю твой завѣть,
Жизнь лалѣя молодую,

Всѣмъ сердцамъ даю свой съѣтъ.
Вѣтеръ, Воздухъ, я ликую!

Но скажи миѣ, Воздухъ, ты
Вѣдь лелеешь всѣ цветы?

Ты—ихъ жизнь, и я колдую.
Я проносишь: Воздухъ нашъ,
Какъ душа цветочныхъ чаинъ,
Зваетъ тайну міровую!

7.

Нашъ Воздухъ только часть безбрежнаго Энира,
Въ которомъ носятся бессмертныя міры.
Онъ круговой шатерь, покровъ земного міра,
Гдѣ Духи Времени собираются для пира,
И ткуть калейдоскопъ спекающей игры.

Равнины, пропасти, высоты, и обрывы,
По чьей поверхности проходятъ облака,
Многообразія живые переливы,
Руна завѣтнаго скользящіе извины,
Вслѣдъ за которыми мечта плыветъ вѣка.

Въ долинахъ Воздуха есть призраки-травинки,
Взростаютъ-таютъ въ немъ, въ единый мигъ, цветы,
Какъ пчелы, кружатся въ немъ блылая сиѣжники,
Путями фейными проходятъ паутники,
И водопадъ лучей струится съ высоты.

Несутся съ бѣшенствомъ свирѣпые циклоны,
Разгульной вольницей ликуютъ взрывы громовъ,
И въ неурочнай чась гудятъ на башняхъ звоны,
По послѣ быстрыхъ грозъ такъ изумрудны склоны
Подъ дѣтскимъ лепетомъ апрѣльскихъ вѣтерковъ.

Чертогомъ радости и міровыхъ сліяй
 Сверкасть радуга изъ тысячи тоновъ,
 И въ душахъ временныхъ тотъ празднікъ обаяній
 Намекомъ говоритьъ, что въ тысячахъ вліяній
 Побѣдно царствуютъ лишь семь первоосновъ.

Отъ предразсвѣтной мглы до яркаго заката,
 Отъ бѣлизны снѣговъ до кактусовъ и розъ,
 Пространство Воздуха ликующе-богато
 Шапкъвомъ красочнымъ, гіпнозомъ аромата,
 Многосліянностью, въ которой все сошлось.

Когда подъ шелесты влюблующаго Мая
 Бѣльють ландыши и свѣтить углемъ макъ,
 Волна цветочныхъ душъ проносится, мечтая,
 И Воздухъ, пыньюю два пола сочетая,
 Велитъ имъ вмѣстѣ быть—кѣжій, тѣсній—вотъ такъ.

Онъ измѣняется, переливаетъ краски,
 Перебирастъ ихъ, въ игрѣ исистощимъ,
 И незабудки сиять, какъ глазки хѣтской сказки,
 И аромъ простень, какъ кровь и крикъ развязки,
 И Казнь падть, зоветъ, и все плыветь какъ дымъ.

Въ Іюльскихъ Празднествахъ, когда жиеды и жииды
 Даютъ безумствовать сверканіямъ серпа,
 Тревожимъ въ Воздухѣ передъ отластомъ птицы,
 И говорятъ въ почахъ одна съ другой зарницы
 Надъ страннымъ знаменіемъ тяжелаго снопа.

Скигаютъ модній—но неустанныи руки,
 Сгораютъ зданія—но вновь мечта ростетъ,
 Кривою линіей стояній ходить муки,
 Но тонуть въ Воздухѣ всѣ возгласы, всѣ звуки,
 И снова—первый день, и снова—начать счѣть.

Всего таинственный незримость параллелей,
 Передаваемость, сны въ снахъ—и снова сны,
 Духъ невещественный вещественныхъ воссияй,
 Отвѣтность марева, въ душѣ—напѣвъ свирѣлей,
 Отображенія странъ и звуковой волны.

И въ душѣ ли грезящихъ, гдѣ встала мысль впервые,
 Иль въ круговориностяхъ, гдѣ склепъ Небесъ такъ синъ,
 Въ прекрасной разности, они всегда живыя,
 Созданія Воздуха, тѣ волны звуковыя,
 И краски зыбкія, и тайный храмъ святыни.

О, Воздухъ жизненный! Прозрачность круговая!
 Онъ долженъ вольнымъ быть. Когда жъ его замкнуть,
 Въ немъ дышетъ скрытый гнѣвъ, встать отрава злая,
 И, тяжесть мертвую на душу налагая,
 Кошмары цѣнкіе невидимо ростутъ.

Но хоть великъ шатерь любого полуміра,
 Храмилище-покровъ двухъ нашихъ полусферъ,
 Нашъ Воздухъ лишь намекъ на пропасти Эонра,
 Гдѣ неразсказанные совѣты иного міра,
 Неполовинного, виѣ горъ и виѣ пещеръ.

О, свѣтоносное великое Пространство,
 Гдѣ мысли чудятся исходящая стезя,
 Всегда одѣтая въ созвѣздныя убраиства,—
 Въ тебѣ міровъ и сновъ бездонно постоянство,
 Никѣмъ не считанныхъ, и ихъ считать нельзя.

Начало и конецъ всѣхъ мысленныхъ явлений,
 Воздушный Океанъ зориныхъ синихъ водъ,
 Ты Солнце начь дасиь надъ сумракомъ томлений,
 И красные цветы въ пожарахъ преступленій,
 И въ зеркалѣ морей повторный Небосводъ.

ЗЕМЛЯ.

Шѣсть расцвѣтшій жизни, вѣжныи
изумрудъ.

Горящія Здамія.

Звѣзды, на которой сквозь Небо мер-
цаеть трава.

Фата Моргана.

ЗЕМЛЯ.

1.

Земля, я неземной, но я съ тобою скованъ,
На много долгихъ дней, на бездну быстрыхъ лѣтъ.
Зеленый твой просторъ мечтою облюбованъ,
Земною красотой я сладко заколдованъ,
Ты мнѣ позволила, чтобы жить я какъ Поэтъ.

Межъ тысячи умовъ мой мозгъ образовала
Въ такихъ причудливыхъ сплетеньяхъ и узахъ.
Что все мнѣ хочется, „Еще“ твержу я, „Мало“,
И пытку я люблю, какъ упоеніе бала,
И быстрый альбатrossъ въ безбрежныхъ облакахъ.

Но страшимъ смызому безмѣрнага усилия,
Шутя перслечу я изъ страны въ страну.
Но въ томъ всецъ ужасъ мой, что, если эти крылья
Во влагѣ омочу, исполненный безсилія,
Воздушный, неземной, я въ Морѣ утону.

Я долженъ издали глядѣть на эти воды,
Въ которыхъ жадный клювъ добычу можетъ взять,
Я долженъ надъ Землей летать не дни, а годы,
Но я блаженствую, я лучшій сынъ Природы,
Хоть какъ я мучаюсь—мнѣ некому сказать.

И рыбы блѣдныя, иѣмья черепахи,
Быть можетъ, знаютъ міръ, безвѣстный для меня,
Но мнѣ такъ радостно застыть въ воздушномъ взмахѣ,
Въ ненасытности, въ поспѣшности, и страхѣ,
Надъ пропастью ночей, и надъ проваломъ дна.

Земля зеленая, я твой, но я воздушный,
 Сама велѣла ты, чтобы здесь я былъ такимъ,
 Ты въ пропастяхъ летиши, и я лечу, послушный,
 Я страшенье, какъ п ты, я чуткій и бездушный,
 Хотя я весь—душа, и миѣ не быть другимъ.

Зеленая звѣзда, планета изумруда,
 Я такъ въ тебѣ люблю безжалостность твою,
 Ты не игрушка, иѣть, ты ужасъ, блескъ, и чудо,
 И ты спѣшишь—туда, хотя идешь—оттуда,
 И я тебя люблю, и я тебя пою.

Въ раскинутой твоей роскошной панорамѣ,
 Въ твоей, нестынившей и въ декабряхъ, Веснѣ,
 Въ вертепѣ, въ мастерской, въ тюрьмѣ, въ семье, и въ
 храмѣ
 Миѣ вѣчно чудится картина въ дивной рамѣ,
 Я съ нею, въ ней, и вѣ, и этотъ сонъ—во миѣ.

Сказалъ, и болѣе я повторять не стану,
 Быть можетъ, повторю, я властенъ повторить:—
 Я предалъ жизнь мою лучистому обману,
 И въ безднахъ міровыхъ нашелъ свою Свѣтлану,
 И для нея кручу блистающую нить.

Моя любовь—Земля, я съ ней сплетенъ—для пира,
 Легенду мы посмѣ изъ звуковыхъ примѣть.
 Въ кошмарныхъ звѣздностяхъ, въ безмѣрныхъ бездрахъ
 Mira,

Въ алмазной плотности бессмертнаго Эона—
 Сонъ Жизни, Изумрудъ, Весна, Зеленый Свѣтъ!

2.

Странный міръ противорѣчья,
 Каждый атомъ здѣсь иной,
 Беззавѣтность, бескордечье,
 Лютый холодъ, свѣтъ съ весной.

Каждый мигъ и каждый атомъ
 Ищутъ счастія вездѣ,
 Другъ за другомъ, братъ за братомъ,
 Молятъ, жаждутъ: „Гдѣ же? Гдѣ?“

Каждый мигъ и каждый атомъ
 Вдругъ съ себя свергають грусть,
 Любить, дышутъ ароматомъ,
 Шепчутъ: „Гибнемъ? Что же! Пусты!“

И мечтаютъ, расцвѣтаютъ,
 Идти предѣла ихъ мечтѣ.
 И внезапно прошадаютъ,
 Вдругъ исчезнутъ въ пустотѣ.

О, беспутница, восталка,
 О, небесность, о, Земля! .
 Какъ тебѣ себя не жалко?
 Кровью дышутъ всѣ поля.

Кровью дышутъ розы, маки,
 И дневныя двѣ зари.
 Вѣчно слышенъ стонъ во мракѣ:—
 „Въ гробъ тѣсно! Отвори!“

„Помогите! Помогите!“—
 Что за странный тамъ мертвоецъ?
 Баяль я нити, сплелъ я нити,
 Рву я нити, есть конецъ.

Если вѣчно видѣть то же,
Кто захочетъ видѣть сонъ?
Тѣмъ онъ лучше, тѣмъ дороже,
Что мгновенно зыбокъ онъ.

Ярки маки, маки съ кровью,
Ярки розы, въ розахъ кровь.
Льна безстрашио къ изголовью,
Сип смертельно, встанешь вновь.

Для теби же — мракъ забвенья,
Смерти прочная печать,
Чтобы въ зеркалѣ мгновенья
Ты красивымъ быть онять.

Люди, травы, камни, звѣри,
Духи вышніе, что здѣсь,
Хоть въ иезримой, въ близкой сферѣ, —
Миръ земной прекрасенъ весь.

Люди блѣдныe, и травы,
Камни, звѣри, п цвѣты,
Весь въ своемъ явлены правы,
Весь живутъ для Красоты.

Весь въ великому сложномъ Чудѣ—
И твореніе, и творцъ,
Служить страсти звѣри, люди,
Жизнь идеть во всѣ концы.

Всюду звѣри, травы, камни,
Люди, люди, яркий сонъ.
Нѣтъ, не будетъ никогда миѣ
Жаль, что въ Мирѣ я рожденъ!

Всѣ вражды, и всѣ нарѣчья —
Буквы свитка моего.
Я люблю противорѣчье, —
Какъ сверкнуть мнѣ безъ него?

3.

Небо — сверху, Небо — снизу,
Небо хочетъ быть двойнымъ.
Я люблю святую разу,
Я люблю огонь въ дымъ,

Небо каждое мгновеніе
На Землѣ и вокругъ Земли.
Близокъ праздникъ просвѣтленія,
Пусть онъ минется намъ вдали.

Небо такъ же вѣчно съ нами,
Какъ доступная Земля.
Здѣсь мы слиты съ облаками,
Въ Небѣ — здѣшніи поля.

Звѣзды вѣчно съ нами слиты,
Хоть небесный сводъ вдали.
Знѣзднымы свѣтомъ переносы
Всѣ мечтанія Земли.

4.

Мѣрило, размѣрило земное страданіе,
Хоть безпримѣрно по виду оно.
Вижу я въ зеркалѣ сновъ и мечтанія.
Вижу глубокое дно.

Вечно есть вчерь, съ нимъ свѣтъ обалыя,
 Въ новомъ явлены мечты и огни.
 Въ тихіе лѣтие дни
 Слышится въ воздухѣ тепломъ жужжанье,
 Гулъ голосовъ,
 Звонъ и гудѣніе, какъ будто бы пѣнье
 Тысячъ, о, нѣть, миріадъ комаровъ,
 Нѣть ихъ межъ тѣмъ въ глубинѣ отдаленія,
 Нѣть и нѣлизи. Это сонъ? Навожденіе?
 Это—поднятые воздушныхъ столбовъ.
 Полосы воздуха вверхъ убѣгаютъ.
 Полосы воздуха нѣжно сверкаютъ,
 И непрерывность гудѣнья слагаютъ,
 Улей воздушный въ садахъ облаковъ.

Мука долгая, но короче, короче,—
 Души предчувствуютъ лучшіе дни.
 Въ свѣтлыя зимнія ночи
 Въ Небо взгляни.
 Видишь созвѣзды, и ихъ постоянства?
 Видишь ты эту безодноть пространства?
 Въ этихъ моряхъ есть свои жемчуга.
 Души тамъ носятся въ пляскахъ навѣки,
 Вихри тамъ просятся въ звѣздыя рѣки,
 Всплески созвѣздія бываютъ въ берега.
 Чу, лишь сознанію винтины струны,
 Съ солнцами солнца, и съ лунами луны,
 Моря планетнаго жчатся буруны,
 Твердость Эоира лучами сверля,—
 Марсъ, Венера, Вулканъ, Нептуны,
 Вотъ! между ними—Земля!
 Гдѣ же все люди? Ихъ нѣть. Все пустынно.
 Все такъ духовно, согласно, причинно,
 Нѣть человѣковъ нигдѣ.
 Только твоя гениальность сознанія,
 Сердца бездоннаго съ сердцемъ сліяніе,

Пѣсня звѣзды къ отдаленной звѣзда.

Полосы, полосы вѣчнаго Свѣта,

Радостной тайною Небо одѣто,—

Близко такъ стало, что было видно.

Непостижимо-прекрасное чудо:—

Мчимся туда мы, писпавши оттуда,

Въ глыбахъ безцвѣтныхъ—восторгъ изумруда,

Майская сказка Земли.

5.

Въ зеленомъ и бѣломъ туманѣ,

И въ дымкѣ свѣтло-голубой,

Земля въ міровомъ караванѣ

Проходитъ, любуясь собой.

Растенія земные качаетъ,

Поить опьяненіемъ цвѣты.

И ночь міровая вѣничаетъ

Шевѣсту небесной мечты.

Сплетаетъ въ союзѣ небесномъ

То съ Солнцемъ ес, то съ Луной,

Съ Венерой въ содружествѣ тѣсномъ,

Съ вечерней своей тинниной.

Всѣхъ любить Земля молодая,

Ей разныхъ такъ сладко любить,

Различностью свѣтовъ блестая,

Стожизненнѣмъ можешь ты быть.

И вотъ половиною шара,

Въ которому Огонь безъ конца,

Въ горѣнии дневного пожара

Земля опьяняетъ сердца.

И въ это же самое время
Другой половиной своей
Чаруетъ влюбленное племя
Внушенными лунныхъ лучей.

И странно желанно слышие
Съ Землею двухъ свѣточей въ Три.
Любя, говорить обаянье,
Бери—мы съ тобою пари.

Качаетъ нась Вѣчность, качаетъ,
Пьянятъ земные цвѣты.
И Полночь, и День отвѣчасть
Невѣсть небесной мечты.

6.

Земля, ты такъ любви достойна, за то что ты всегда иная,
Какъ убѣдительно и стройно все въ глуби глазъ, вся жизнь
земная,

Ноля, луга, долины, стени, равнины, горы, и лѣса,
Болота, прерія, маремы, пустыни, Море, Небеса.
Улыбки, шопоты, и ласки, шуршанье, шелестъ, шорохъ,
травы,

Хребты безмѣрныхъ горъ во мракѣ, какъ исполинскіе
удавы,
Кошмарность ходовъ подъ землею, разсѣянъ, впадинъ, и
пещерь.

И храмы въ страшныхъ подземельяхъ, чей страненъ сказоч-
ный размѣръ
Дремотный блескъ зарытыхъ кладовъ, цѣлебный ключъ въ
тиюрии гранита,

И слитковъ золота сокрытость, что будетъ смильями открыта.
Паденье въ пропасть, въ мракъ и ужасъ, въ рудникъ,
гдѣ рабъ—какъ властелинъ,

И горло горнаго потока, и рядъ овраговъ межъ стреминъ.
 Въ глубокихъ безднахъ Океана — дворцы погибшей Атлантиды,
 За сномъ потопа — вновь подъ Солнцемъ — ковчегъ Атлантовъ,
 Пирамиды,
 Землетрясенія, ужасность — тайфуна, взрытости зыбей,
 Успокоятельная ясность вчера лишь вспаханныхъ полей.

7.

Земля научаетъ глядѣть — глубоко, глубоко.
 Тѣлесные дремлютъ глаза, незримое свѣтиится око.
 Пугаясь, глядѣть
 На тайну земную.
 Эсмия между тѣмъ говорить:—
 Ликуй — я ликую.
 Гляди предъ собой,
 Есть голосъ въ веселомъ сегодня, какъ голосъ есть въ тем-
 номъ вчера.
 Подпочва во впадинѣ озера — глина, рухлякъ, перегной,
 Но это поверхностий слой:—
 Тамъ дно, а надъ дномъ глубина, а надъ глубью волна за
 волной.
 И зыбится вѣчно игра
 Хрусталия, брилліантовъ, сафира, жемчуговъ, янтарей, се-
 ребра,
 Порождаемыхъ Воздухомъ, Солнцемъ, и Луной, и Землей,
 и Водой.
 Слушай! Пора!
 Будь — молодой!
 Все на Земль — въ перемѣнахъ, слагай же черту за чертой.
 Мысли сверкаютъ,
 Память жива,
 Звучны слова.
 Дни убѣгаютъ,—
 Есть острова.

Глубочайшия впадины своихъ морей
Невозмѣшио вблизи острововъ залегаютъ.
Будь душою своей—
Какъ они,
Тѣ, что двойственность въ святность слагаютъ,
Почи и дни,
Мракъ и огни.
Мысли сверкаютъ,
Память жива.
Не позабудь острова.
Въ дикой пустынѣ, надъ прошастью водъ,
Ижиний оазисъ цвѣтеть и цвѣтеть.
Сномъ золотомъ
Ижитъ игра.
Нынче—какъ дымъ—
Станетъ вчера.
Духомъ святымъ,
Будь молодымъ.
Время! Скорѣе! Пора!

6.

Сышу я, слышу твой голосъ, Земля молодая,
Сышно и видно мнѣ все: я—какъ ты.
Сышу, какъ дышутъ ночные цвѣты,
Вижу, какъ травка дрожитъ, расцвѣтая.
Только мнѣ страшно какой-то внезапной въ душѣ пустоты.
Чтѣ же мнѣ въ томъ, что возникнутъ черти?
То, что люблю я, бѣжитъ, прошадя.
Звучень твой голосъ, Земля молодая,
Ты многоцвѣтна наявѣкъ.
Вижу я цвѣтъ твой и тайные взоры,
Сышу я стройные струнные хоры,
Голосъ подземныхъ и солнечныхъ рѣкъ,—
Только мнѣ страшно, что рвутся узоры,

Страшно, Земля, мнѣ, вѣдь я Человѣкъ.
 Чѣмъ жь мнѣ озера, и Море, и горы?
 Вѣчно ли буду съ одною мечтой!
 Юноша страшенъ, когда онъ сѣдой.

9.

Явственно съ горнаго склона я
 Вижу, что ты
 Не только зеленая.
 Въ пурпуръ такъ часто ты любашь редить;
 Нѣжность своей красоты,
 Красиу въ ткани проводишь ты нетъ.
 Ты предстаешь мнѣ какъ темная, жадная,
 И неоглядная,
 Страшно-огромная, съ этими взрывами скрытыхъ огней,
 Вся еще только—намекъ и рожденіе,
 Вся—заблужденіе
 Быстрыхъ людей и зѣбреи,
 Вся еще—алчность и крики незнанія,
 Непониманіе,
 Бѣшенство дней и безумство ночей,
 Только сгораніе, только канунъ просвѣтленія,
 Еле намѣченный стихъ пѣснопѣнія
 Блесковъ святыхъ откровенія,
 Съ царствомъ такого блаженства, гдѣ стонъ не раздастся
     нечай.

10.

Да, я помню, да, я знаю запахъ пороха и дыма,
 Да, я видѣла слишкомъ ясно:—Смерть какъ Жизнь непо-
     бѣдима.
 Вотъ, столкнулась груда съ грудой, туча съ тучей саранчи,
 Отвратительное чудо, ослѣпительны мечи.

Человѣкъ на человѣка, ужасъ бѣшеной погони,
Почва взрыта, стукъ копыта, мчатся люди, мчатся кони.
И подъ тяжестью орудій, и подъ яростью копыть,
Звукъ хрустѣнья, дышутъ люди, счастливъ, кто совсѣмъ
убить.

Запахъ пороха и крови, запахъ пушечнаго мяса,
Изуродованныхъ мертвыхъ сумасшедшая гримаса.
Новой жертвой возникаютъ для чудовищныхъ бойницъ
Верещцы пыльныхъ, грязныхъ, безобразныхъ, потныхъ лицъ.
О, конечно, есть отрада въ этомъ страхѣ, въ этомъ зноѣ:—
Благородство безразсудныхъ, въ смерти свѣтлые героя.
Но за ними, въ душиломъ дымѣ, паль за темными рядомъ
ридъ

Противъ воли въ этой бойнѣ умирающихъ солдатъ.
Добиванье недобитыхъ, разстрѣлянье дезертира,—
Ца какой меня зовешь ты праздникъ радостнаго пира?
О, Земля, я слышу стоны оскверненныхъ дѣвъ и женъ,
Побѣженъ мой врагъ заклѣтый, но побѣдой И сраженъ.

11.

Помню, помню—и другое. Ночь. Неаполь. Сонъ счастливый.
Какъ же все перемѣнилось? Люди стали смертной нивой.
Отратительно красивый отблескъ лавы клюкотль,
Точно чѣмъ-то былъ поддѣланъ между этихъ черныхъ скаль.
Въ страшной жидкости кипѣла точно чуждая прикраса,
Какъ разорванное тѣло, какъ растерзанное мясо.
Точно пинія вздымался расползающійся паръ,
Накоплялся и взметался ужасающей пожаръ.
Красный, сѣрий, темно-сѣрий, бѣлый паръ, а снизу лава,—
Такъ чудовищный Везувій забавлялся величаво.
Извѣрженіе, изверженіе, въ самомъ словѣ ужасъ есть,
Въ немъ уродливость намековъ, всѣхъ оттенковъ намъ не
счасть.

Въ немъ размахъ, и пьяность, рьяность огневого водопада,
 Убѣдительность потока, отвратительность распада.
 Тамъ въ одной спаденной грудѣ—авѣри, люди, и дома,
 Пепель, болѣе губящій, чѣмъ Азійская чума.
 Свѣтъ искусства, слово мысли, губы въ первомъ поцѣлуѣ,
 Замѣли, сожгли, застигли лавно-пепельную струи.
 Ненасытнаго удава зевыя сжали цѣлый міръ,
 Здѣсь хозяинъ пыльныій—Лава, будуть помнить ототь варъ.

12.

Что же, что тамъ шелеститъ?
 Точно шорохъ тихихъ водъ.
 Что тамъ грезитъ, снить не спить,
 Наростаетъ и постъ?

Безглагольность. Ташвиа.
 Міръ полноченъ. Все молчатъ.
 Чья же тамъ душа слышна?
 Что такъ жизненно звучить?

Голосъ вѣчно-молодой,
 Хоть почти-почти безъ словъ.
 Но прекрасный, но святой,
 Какъ основа всѣхъ основъ.

Перекатиал волна.
 Но не Море. Глубоко
 Дышитъ жизнь иного сна.
 Подъ Луной ей такъ легко.

Это илва. Почь глядѣть.
 Ласковъ звѣздный этотъ взглядъ.
 Иѣжинъ колосья шелестить.
 Всѣ колосья шелестять.

Отгибаются, поютъ,
Наклошаются ко спу.
Сока жизни. Вѣчный трудъ.
Кротко лынеть зерно къ зерну.

Что тамъ дальше? Цѣлый строй
Пижевыхъ—живыхъ стволовъ.
Гроздья ягодъ надъ землей,
Вновь основа всѣхъ основъ.

На тычинкахъ небольшихъ
Затаенная гроза,
Звонкій смѣхъ ч звонкій стихъ,
Мигъ забвенія, лоза.

Радость свѣтлая лица,
Звѣзды ласково глядять.
Зрѣсть, спѣсть безъ конца
Желтый, красный виноградъ.

Эти ягоды сорвутъ,
Разомнутъ ихъ, выжмутъ кровь.
Веселье трудъ. Сердца пють.
Въ жизни вновь живеть Любовь.

О, побѣдное Зерно,
Гроздья ягодъ Бытія!
Будеть бѣлое вино,
Будеть красная струя!

Протечеть за годомъ голъ,
Жизнь не можетъ не спѣшить.
Только колосье не пройдетъ,
Только гроздья будуть жить.

Не окончатся мечты,
Всѣмъ засвѣтятся Весна!
Литургія Красоты
Есть, была, и быть должна!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. Праздникъ сердца.

Мой зазѣть	5
Три страны	6
Самоутвержденіе	6
Къ Славянамъ	7
Колибри	8
Лони-Лингамъ	9
И вѣтъ предѣловъ	10
Призывъ	11
Ново мицутъ	12
Бесна	12
Растеніе	13
Темному брату	15
Быть утромъ	17
Солнце-красное	17
Вѣтеръ	18
Талисманъ	20
Живи	21

2. Кружевные узоры.

Юная дѣвушка	25
Влюбленность	25
Греза	26
Жалоба дѣвушки	27
Сиряя птичка	28
Польской дѣвушкѣ	28
Финская козыбельная пѣсня	34
Осень	33
Въ бѣломъ	35
Прощай	36
Кольцо	37
Быть можетъ	38
Ты пришла	38

	Стр.
Вновь	39
Серебряный звезды	39
Мандолина	40
Ночной цветок	41
Лунный свет	43
„Ben escrivia motz et sons“	44
3. Черная оправа.	
Пляска атомовъ	47
Ихъ двоо	48
Пропускіаміанто	49
Мировая тюрьма	50
Безнадежность	51
Богъ Океанъ	51
Горѣніе	52
Мудрецы говорятъ	52
Какъ звать	53
Не обвиняй	54
Отзвуки благовѣста	55
Безвременье	55
Тень отъ дыма	56
Воспоминанія	56
Гений мгновенія	57
Читатели душъ	58
Замокъ	59
Желтый Шаръ	60
Примѣта	60
Змѣя	61
Границы	62
Лемуры	63
Проклятие человѣкамъ	64
Человѣчки	67
Бездны нашихъ дней	68
Война	69
Война, не вражда	72
Троицественность двухъ	74
Возрожденіе	74
Мировое причастіе	75
„Pax hominibus bona voluntatis“	76
Городъ Золотыхъ Воротъ	76
Гвоздики	78
На черномъ фонѣ	78
Фата Моргана	78

	Стр.
Красный	79
Розовый	80
Предразсвѣтно-лепестковый	81
Горицвѣтный	81
Желтый	82
Красный и желтый	82
Красный и голубой	83
Красный, желтый, голубой	84
Голубой, зеленый, желтый, красный	84
Золотистый	85
Процалько-золотистый	85
Зеленый	86
Зеленый и черный	86
Синий	87
Нѣжно-лиловый	88
Фиолетовый	88
Хрустально-серебристый	89
Ошалово-зимний	89
Голубовато-блѣдый и красновато-ѣлѣй	90
Бѣлый	90
Черный	91
Зарево мгновеній	91
4. Огни	93
5. Вода	107
6. Воздухъ	123
6. Земля	133

КАТАЛОГЪ.

КАТАЛОГЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „СКОРПІОНЪ“

АПРѢЛЬ 1911 ГОДА.

I. СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтись. Земные Ступени. Элегии. М. 1911.
Ц. 1 р. 50 к.
- К. Д. Бальмонтъ. Полное собрание стиховъ.
Томъ I. (Подъ Сѣвернымъ Небомъ. Въ Безбрежности. Тишина). М. 1908. Издание третье. Ц. 2 р.
Томъ II. (Горящія Здания). Издание третье. М. 1908.
Ц. 1 р. 50 к.
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Издание третье. М. 1908.
Ц. 1 р. 50 к.
Томъ V. (Интуригія Красоты). Издание второе. М. 1911.
Ц. 1 р. 50 к.
Томы IV, VI, VIII, IX, готовятся къ печати.
Томъ VII. (Жаръ Птицы). Фронтиспісъ К. Сомова. М. 1907.
Ц. 2 р.
Томъ X. (Хороводъ времени). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
Валерій Брюсовъ. Путь и Переутья. Стихи 1892-1909 г.г.
Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me cum eave. Tertia Vigilia). М. 1907. Ц. 2 р.
Томъ II. Стихи 1902-1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos).
М. 1908. Ц. 2 р.
Томъ III. Стихи 1907-1909 гг. (Всѣ напѣвы). М. 1909. Ц. 2 р.
Н. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 1 р.
Андрей Белый. Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.
Поль Верленъ. Собрание стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. М. 1911. Ц. 2 р.
Юрій Дарковский. Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.
З. Н. Гиппиусъ. Собрание стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
Н. Гумилевъ. Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовского.
М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

- Вячеславъ Ивановъ Прозрачность. Вторая книга лирики
Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Сог Ardona. Speculum Speculorum.
гим. Эросъ. Любовь и смерть. Обложка К. Сомова (хромолитография). Печатается.
- М. Кузминъ. Съти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Ива. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений,
съ портр. автора. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904.
Ц. 2 р.
- Николай Мерозовъ. Звезды пѣви. Съ 2 картами
звездного неба. Обложка М. Соловьёва. М. 1910. Ц. 1 р.
50 к (Наложенъ арестъ).
- Пять поэтовъ (Петцадій, Аксоній, Порфирій, Клавдіанъ, Луксорій). Въ перенодѣ Валерія Брюсова. Готовится.
- Федоръ Сологубъ. Собрание стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Андрей Бѣлы. Ствірпая симфонія (1-я, героическая) въ 4
частяхъ. М. 1904 г. Ц. 75 к.
- Андрей Бѣлы. Четвертая симфонія. Кубокъ метеоровъ.
М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Андрей Бѣлы. Серебряный голубь. Повѣсть въ семи
главахъ. Обложка П. Уткина. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Валерія Брюсова. Земная ось. Рассказы и драматические
сцены, 2-е дополненное изд. Иллюстрации Альберто Мартини. М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.
- Валерія Брюсова. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ пѣменской
жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаниями.
М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Кнут Гамсунъ. Съеста. Очерки и рассказы. Переводъ съ
норвежского С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.
- Жагадесь. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к.
- М. Кузминъ. Первая книга рассказовъ. (Приключения
Эже Лебефа. Письма Клары Вальмонтъ. Тиль Филиппы. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Аны Мейеръ. Ку
шетка тети Сони. Крылья). М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

- М. Кузминъ. Вторая книга рассказовъ (Подвиги Большого Александра. Повѣсть обѣ Елевенікѣ. Нѣжный Іосифъ). Москва. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- Здѣсь по Собранию сочинений въ переводе К. Д. Бальмонта.
- Томъ I. Поэмы, сказки. Готовится второе изданіе.
- Томъ II. Рассказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
- Томъ III. Страшные рассказы, гротески. Готовится.
- Ст. Пшибышевскій. Собрание сочинений.
- Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря.
- Сыны Земли (Романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.
- Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Феофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.
- Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.
- Свѣдорь Сологубъ. Жало Смерти (Шесть рассказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

- Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукою исцѣнника Валерія Брюсова. М. 1900. Ц. 80 к.
- Интуи Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 коп.
- Загнущь Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курепинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинского. М. 1906. Ц. 60 к.
- Л. Зиновьевна Анибаль. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Шарль Францъ-Лербергъ. Павъ. Они почуяли. М-Не Коши-Съно. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстрациями Н. Феофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.
- Шарль Францъ-Лербергъ. Они почуяли. М-Не Коши-Съно. Переводъ С. А. Полякова. М. 1908. Ц. 40 к.

Морисъ Материнъ. Стихи. Целлеасъ и Мелизандъ.
Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Материника и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. М. 1907. Ц. 1 р

Оскаръ Уайлдъ. Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликкадонуло и А. Куренскаго. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шніцлеръ. Зеленый попугай. Трилогія (Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай). Перев. съ немецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

К. Д. Бальмонтъ. Знаменные Цвѣты. Путевые письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910. Ц. 3 р.

Валерій Брюсовъ. Лицейские стихи Пушкина. Изданіе. II. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Исповеданный. Къ характеристику Гоголя. Изд. 2-е. М. 1910. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Аигеа Кома. Золотой Римъ. Очерки литературы и жизни IV в. по Р. Х. Готовится.

Г. Ландесбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ немецкаго М. Семёнова. М. 1902 г. Ц. 70 к.

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическая хроника жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Письма Пушкина къ Пушкину. Новые материалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арт. Симонъ и Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Авториз. перев. М. Ликкадонуло. Съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведеніемъ его рисунковъ. Готовится.

V. АЛЬМАНАХИ.

Стернъ цвѣты за 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Стернъ цвѣты за 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.

Стернъ цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, рассказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппиусъ, М. Лихачевской, Д. Мережковскаго, Н. Минского, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма

А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета,
Вл. Соловьева, И. Некрасова и др. Виньетки и заставки
К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка
В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.

Северные цветы Ассирийские на 1904-5 г.г. Роскошное издание.

Содержавие: „Три расцвета“ драма К. Бальмонтова, „Земля“,
сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова, „Тан-
таль“. трагедія Вач. Иванова Стихи и рассказы С. Со-
ловьевъ, Макса Волошина, Ф. Сологуба, Н. Минского,
З. Гиппиусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды и др. Обложка
и все укращенія Н. Феофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

Северные цветы. Сборникъ пятый. Стихи, рассказы, статьи.
Печатается.

VI. АЛЬБОМЫ.

Н. Феофилактова. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей,
черной и трехцветной автотипіей). М. 1908 г. Ц. 3 р.

К. Юонъ. Створение мира. 7 автотипій. М. 1909 г.
Ц. 1 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты-любви. Слова и музыка М. Кузнича. 30 стр.
текста, 70 стр. нотъ. Съ 8 рисунками худ. С. Судейкина
и Н. Феофилактова. Обложка Н. Феофилактова. М. 1910.
Ц. 3 р.

VIII. „ВЪСЫ“.

Ежемѣсячникъ «искусство въ литературу». Шесть лѣтъ издания
(1904—1909). 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большо-
го формата съ рисунками (червыми и въ краскахъ),
заставками и ковровками известныхъ русскихъ и ино-
странныхъ художниковъ. Въ „Въсахъ“ напечатаны не-
изданные стихи, повѣсти, рассказы, драмы, статьи, письма,
воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей: Ревѣ,
Аркоса, С. Луссандера, Ю. Балтрушайтиса, К. Баль-
мента, Е. Баратынскаго, О. Бердотта, А. Блока, Валерія
Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна,
З. Гиппиусъ, Ревѣ Гиля, Ж. де-Гурмон, С. Городецкаго,
Ч. Гофмана, Н. Гумилевъ, И. Грабаря, В. Жуковскаго,
В. Иванова, В. Каллаша, М. Кальюлесси, Автова Край-
ваго, А. Кондратьева, М. Кузнича, И. Лернера, М. Ли-
квардопуло, Д. Мережковскаго, В. Мерфилда, Н. Минского,
Дж. Пацини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышев-
скаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, И. Рукавиш-

някова, Б. Садовского, Вл. Соловьева, С. Соловьева, Ф. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковского, Г. Чулкова, Яллиса, П. Эттингера и мн. др.

Въ „Вѣсахъ“ воспроизведены (въ одну и пѣсколько кра-сокъ) картины, рисунки, заставки и концовки слѣдую-щихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, Э. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенштейса, О. Гиліа, К. Вальтера, А. де-Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крычова, М. Ларионова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Минлоти, Л. Пастернака, О. Родона, И. Репина, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерджъ Мура, С. Судейкина, М. Шестер-киса, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Феофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, сбранного въ „Вѣсахъ“,
больше нигдѣ не появлялась.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ“ за всѣ шесть лѣть издаванія—40 руб. безъ пересылки. Отдельные годовые ком-плекты: 1904, 1905 и 1906—по 6 руб. безъ пересылки; 1908, 1909—по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.) 27 руб. безъ пересылки. 1907 г. отдельно не продается. Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повы-сить указанную цѣну по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, польз-уются пересылкою за счетъ книгопрода-тельства. Деньги, причитающіяся за заказываемыя издания, просятъ высыпать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежемъ расходы по наложенному платежу принимаютъ на себя гг. за-казчики.

Адресъ конторы книгопрода-тельства „Скорпионъ“: Москва, Театральная пл., д. „Метрополь“, кв. 23. (Телеф. 50-69). Контора открыта ежедневно, кроме праздниковъ, отъ 11 до 6 ч. ве-чера. Отдѣленіе конторы: Петербургъ, Садовая, 18, Книжный складъ „Комиссіонеръ“.

OCT 13 1972

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG   Bal'mont, Konstantin
3453   Dmitrievich
B2   Polnoe sobranie stikhov
1914a
t.5

